

Посткоммунизм по-русски*

В.О. РУКАВИШНИКОВ

Посткоммунизм как теоретический концепт и реалии политики и жизни в России в последнее десятилетие XX в. — так коротко можно охарактеризовать содержание статьи. В ней рассматриваются различные интерпретации посткоммунизма (переходный период, новый этап глобального развития и т. д.), основные отличительные черты эпохи посткоммунизма в бывших социалистических странах, общий сценарий посткоммунистической модернизации и то, каким образом представлены цели, задачи различных этапов реформирования в Посланиях Президента России Федеральному собранию и других официальных документах, обсуждаются социально-экономические результаты первого десятилетия посткоммунистического развития России в сравнении с другими странами, отношение населения к политике реформ и власти, политическая природа и сущность произошедших перемен, характеристики общественно-политического строя, сложившегося в России к началу XXI в., и т. д. В работе анализируются оценки положения дел в России и прогнозы возможного развития, высказываемые как в нашей стране, так и за рубежом.

Все начальники - сволочи!

*Надпись на транспаранте пикета бастующих шахтеров у
Дома правительства в Москве, весна 1998 г.*

Введение

Примерно 40 лет назад Н.С. Хрущев говорил, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Он ошибся: уже почти 10 лет бывшие советские люди живут при «посткоммунизме».

На наш взгляд, правомерно говорить о двух интерпретациях «посткоммунизма» как понятия. В первом случае речь идет о семантически строгой трактовке этого термина, т. е. «посткоммунизм» - это всего лишь название исторического периода, пришедшего на смену «реальному социализму». Во втором - о попытке использования этого понятия для обозначения новой исторической эпохи, в которую вступило всё человечество после крушения коммунистических режимов в странах Восточной Европы и СССР в конце 1980-х - начале 1990-х годов. Более подробно различные интерпретации данного понятия рассмотрены в первом разделе данной статьи.

---

* Автор благодарит Ю.Ю. Шестакова и Т.П. Рукавишникову за помощь в подготовке материалов к этой статье.

Во втором разделе речь идет о целях, задачах и фазах посткоммунистической транзиции. При этом важнейшие характеристики социально-экономического положения в России в конце XX в. сопоставляются с аналогичными показателями в других странах. Такое сравнение позволяет реалистически оценить ход и итоги первого десятилетия реформ. Обсуждение данного вопроса представляется нам важным потому, что в российской массовой печати, особенно в период предвыборных кампаний, не раз можно было встретить утверждения об отсутствии у реформаторов ясных представлений о стратегических целях и приоритетах социально-экономического развития страны как важнейшей причине наших неудач. Аналогичные высказывания можно встретить и на страницах некоторых научных изданий. Нам кажется, что такие утверждения вводят людей в заблуждение. Документами, в которых сформулированы стратегические цели и тактические задачи практической политики государства являются Послания Президента РФ Федеральному собранию РФ, программные заявления и концепции российского правительства, доклады международных финансовых организаций, таких, как Всемирный Банк, Международный валютный фонд и т. д. Реформирование России осуществляется в рамках общего «вестернизационного» сценария, разработанного на основе положений теории модернизации*. Оно происходит пусть и непоследовательно, и с ошибками, но отнюдь не бессистемным образом.

Уже более семи лет журналисты только и говорят о криминализации власти в постсоветской России, связях чиновников, политиков и мафии, банковского капитала и преступности. Только ленивые не писали об этом. Вместе с тем, чтобы объяснить, почему всё это стало возможным, нужно ответить на вопрос, кто стоит у власти, образуя политический класс, каковы особенности постсоветской социальной системы.

Политический выбор, сделанный в августе 1991 г., предопределил будущее страны и условия жизни людей в первое десятилетие посткоммунизма. Однако неоднократно высказывались мнения, что в некоторых отношениях наше общество сделало не шаг вперед, а прыжок назад, и что в России может установиться диктатура. Насколько обоснованны такие предположения? Могут ли они сбыться? Каковы характерные черты российского посткоммунизма и отношения россиян к политике реформ и политикам? В третьем разделе статьи мы обсудим поставленные выше вопросы, без которых, на наш взгляд, нельзя понять сущность данного феномена.

Такова структура предлагаемой вниманию читателя работы. Разумеется, мы не претендуем на то, чтобы раскрыть все грани темы, обозначенной в её названии.

О дефиниции посткоммунизма

Посткоммунизм как современный этап развития бывших социалистических стран. Использование приставки «пост» в дефиниции указывает прежде всего на хронологическую последовательность - смену определенных исторических пе-

---

* К сожалению, из-за ограничений объема статьи мы не имеем возможности показать взаимосвязь сценария посткоммунистического реформирования и основных положений модернизационной концепции во всех деталях. Эти вопросы были рассмотрены нами в (1,2).

риодов. Так, например, в 1960-е годы много говорили о «постколониализме», имея в виду стадию развития, в которую вступили бывшие колониальные империи после своего распада и получения независимости колониями. Приставка «пост» в описании некоего явления - это прежде всего указание на конкретное историческое время, отсчет которого начался «после» некоторого рубежного события, «вслед» за эпохой, имевшей общепринятое устоявшееся название и только ей свойственные отличительные черты. Поэтому появление в научном лексиконе нового термина есть свидетельство начала нового этапа в развитии конкретного общества или культуры. Приставка «пост» служит одновременно указанием на то, что присущие новому обществу качества являются, говоря философским языком, «отрицанием» сущностных черт предыдущей общественной системы. Именно так следует понимать и смысл прилагательного «посткоммунистический». Однако это далеко не единственная отличительная особенность общества, скрывающаяся за приставкой «пост».

Эпоху посткоммунизма часто определяют как «переходный период», имея в виду то, что в ходе радикальных реформ, начавшихся после отстранения коммунистических партий от власти, в бывших социалистических странах происходят столь фундаментальные изменения в экономике, политике, культуре и общественном сознании, что в итоге эти страны становятся всё более и более похожими на капиталистические государства. Следовательно, посткоммунизм - это сравнительно непродолжительный (пожалуй, даже короткий в историческом масштабе) временной период обретения бывшими социалистическими обществами новых качеств взамен прежних. Это общественно-историческое явление (трансформационный процесс, начавшийся вследствие смены политического режима и социально-экономического строя), имеющее достаточно четкие временные рамки (с конца XX в., по середину XXI в.) и столь же четко очерченную пространственную локализацию*.

Среди отличительных черт посткоммунистического этапа развития бывших социалистических стран наиболее часто выделяют следующие:

- динамизм в развитии и всеобъемлющий характер изменений, направленный в первую очередь на разрыв с недавним прошлым, что включает ликвидацию

---

* *Посткоммунистическими (в буквальном смысле) являются 28 стран Евразии, более половины из которых обрели государственную независимость после распада СССР, СФРЮ и ЧССР, включая Монголию. Посткоммунистической является и Восточная Германия, бывшая ГДР, утратившая свою государственную независимость после вхождения в ФРГ, и поэтому не учтенная в наших вычислениях. Данное число может вырасти, если в список посткоммунистических государств включить территории, непризнанные мировым сообществом в качестве независимых государств, но де-факто являющиеся квази-самостоятельными республиками (такие, как Абхазия, Приднестровская республика, Нагорный Карабах, Косово). Иногда «посткоммунистическими» называют все страны, относившиеся до начала 1990-х годов к социалистическому лагерю, а также к группе стран социалистической ориентации. Основанием для этого является смена ориентиров в экономической политике: отказ от социалистических (в традиционно-советском понимании смысла термина «социалистический») принципов организации народного хозяйства, централизованного планирования и управления и переход к рыночной экономике капиталистического типа. При таком подходе количество посткоммунистических государств значительно вырастет, а географический ареал посткоммунизма расширится, поскольку в список «посткоммунистических» стран попадут такие государства, как Китай, Вьетнам и Куба, несмотря на то что у власти в этих странах до сих пор находятся коммунисты, а также Лаос и некоторые страны Африки и Центральной Америки.*

монополии коммунистической партии на политическую власть и управление экономикой и обществом, возникновение реального политического плюрализма и свободных СМИ, переход к рыночной экономике, трансформацию социальной (социально-классовой) структуры в связи изменением отношений собственности, появление массовой безработицы и изменение структуры занятости населения, перемены социокультурного характера (изменения в структуре ценностных ориентаций и установок);

- кризисное развитие экономических процессов, по крайней мере на начальном этапе (падение ВВП и жизненного уровня населения, высокий уровень инфляции), передел собственности в ходе блицкапитализации;
- трансформацию национальной политической идентичности, что связано в ряде случаев с обретением страной формальной государственной независимости и/или намерением присоединиться к Европейскому союзу; поиск новых союзников и ориентиров во внешней и оборонной политике;
- сохранение у власти бывших коммунистических партийных функционеров и после смены режима;
- слабость государственной власти, политическая нестабильность и поведение высших чиновников как коррумпированных временщиков;
- почти полное отсутствие культуры компромисса при разрешении политических споров и этнических конфликтов;
- низкий уровень политического доверия, точнее, почти полное отсутствие доверия институтам власти со стороны народных масс;
- глубокий идейный кризис и ценностный раскол электората;
- разрушение прежней системы социальной защиты трудящихся, приведшее к утрате чувства защищенности у большинства простых людей.

Иногда этот перечень дополняют такими характеристиками, как гипертрофированное развитие одних отраслей индустрии (тяжелая промышленность, военнопromышленный комплекс) в ущерб другим, низкая эффективность труда, высокая затратность и энергоемкость производств, подчеркивая тем самым специфический характер экономического наследия, полученного восточноевропейскими посткоммунистическими странами от прежней эпохи (об отличительных чертах посткоммунистических стран подробнее см. в (3, 4, 5, 6).

Несомненно, что при наличии общих характеристик посткоммунистических государств и обществ каждая страна имеет отличительные черты, определяющие её своеобразие в переходный период. Общеизвестно и то, что существуют значительные различия в уровне развития стран, движущихся по пути модернизации. Эти различия контрастно проявились к концу первого посткоммунистического десятилетия (рис. 1), и поэтому можно говорить о различных вариантах посткоммунизма - посткоммунизма по-русски, по-польски, по-узбекски и т. д.

Понимание природы различий между вариантами посткоммунизма в различных странах невозможно без учета как исторического фактора, поскольку историческое наследие, безусловно, имеет огромное значение, так и уяснения ресурсных возможностей и особенностей политики реформ, проводимой правящими кругами той или иной страны. Не отрицая значения природно-ресурсного фактора, мы полагаем всё же, что экономическая мощь страны и благосостояние её граждан в решающей мере зависят от политики государства. Как справедливо заметила М. Тэтчер в дискуссии с М.С. Горбачевым и Дж. Бушем, проходившей на телевидении Сан-Франциско осенью 1997 г., «пусть не обижаются на меня мои

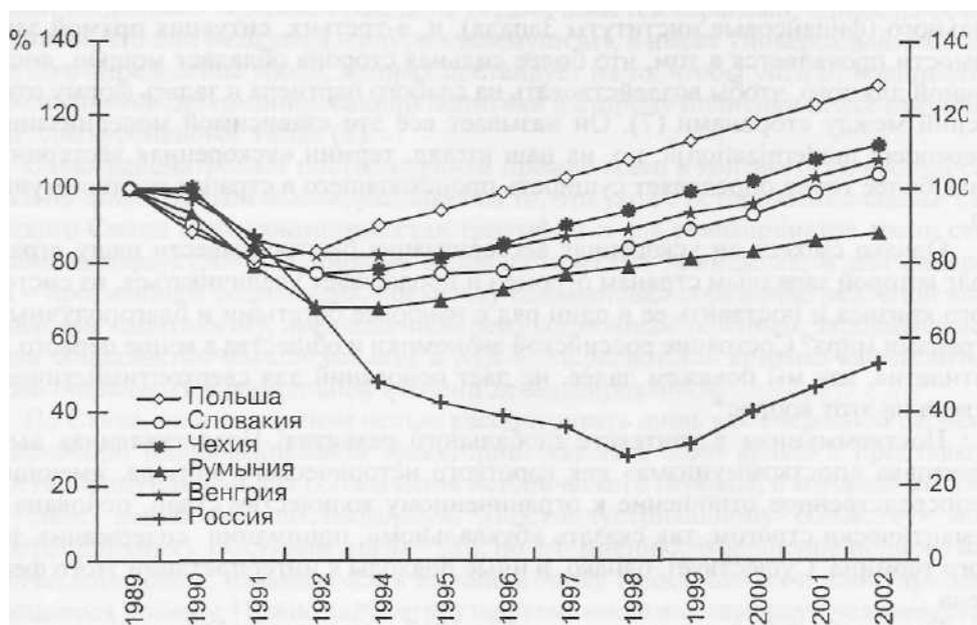

Рисунок 1. Динамика ВВП в посткоммунистических странах в переходный период (в долларах США, с учетом паритета покупательной способности национальной валюты, по данным официальной статистики за 1989 - 1999 гг. и прогнозным оценкам на 2000 - 2002 гг., 1989 г. = 100%)

социалистические друзья, но Нигерия тоже страна богатая нефтью, однако люди там живут в глубочайшей нищете, и ответственность за это несет правительство».

Посткоммунизм как переходный период имеет черты, делающие его похожим на постфашизм, - этап в истории, через который прошли Западная Германия и Италия после поражения во Второй мировой войне и смены политических режимов. Отличительной чертой этого периода были не только восстановление разрушенного войной хозяйства, технологическое обновление производства, происходившие при активной поддержке извне. Важной стороной постфашизма явилась вестернизация. Этим термином обозначается широкий круг перемен - изменение прежней ценностно-нормативной системы путем внедрения в массовое и элитное сознание идеологических установок, ценностей и иных социокультурных норм, распространенных в странах-победителях, демократизация политической системы и изменения в ориентации внешней и оборонной политики.

История повторяется. СССР проиграл «холодную войну». Западные страны-победители инициировали и спонсируют либеральные реформы в бывших социалистических странах. Английский ученый А. Стадлер характеризует происходящее в нашей стране, как процесс, в рамках которого, во-первых, Россия движется в направлении к заранее определенной цели - либеральной демократии западного типа в парламентской или президентской форме, во-вторых, возникает

асимметричная взаимозависимость, когда слабый (Россия) опирается на ресурсы сильного (финансовые институты Запада), и, в-третьих, ситуация прямой зависимости проявляется в том, что более сильная сторона обладает мощью, достаточной для того, чтобы воздействовать на слабого партнера и задать форму отношений между сторонами (7). Он называет всё это «зависимой модернизацией (dependent modernization)», но, на наш взгляд, термин «ускоренная вестернизация» более точно определяет сущность происходящего в странах посткоммунизма.

Однако сможет ли ускоренная вестернизация быстро вывести нашу страну, долг которой западным странам огромен и продолжает увеличиваться, из системного кризиса и поставить ее в один ряд с наиболее богатыми и благополучными странами мира? Состояние российской экономики и общества в конце первого десятилетия, как мы покажем далее, не дает оснований для сверхоптимистичного ответа на этот вопрос*.

Посткоммунизм в контексте глобального развития. Представленная выше трактовка «посткоммунизма» как короткого исторического эпизода, имеющего непосредственное отношение к ограниченному количеству стран, основана на семантически строгом, так сказать «буквальном», понимании содержания данного термина. Существует, однако, и иные подходы к интерпретации этого феномена.

Если победа большевиков в октябре 1917 г. явилась событием, которое во многом предопределило ход истории в XX в., то и поражение их наследников стало событием, не меньшим по всемирно-историческому значению. Чешский президент В. Гавел, например, говорил, что «крушение коммунистической империи является событием, по исторической важности равным распаду Римской империи». И поэтому посткоммунизм не может рассматриваться как локальный феномен или как явление, не затрагивающее стран, в которых коммунисты не находились у власти. Это не просто конец геополитической конфронтации между соперничающими общественно-политическими системами: с крушением коммунизма изменился миропорядок, на что обращают внимание почти все исследователи.

Британский профессор Р. Саква пишет, что, если «двадцатый век был "веком крайностей", периодом, характеризуемым борьбой идеологий, в том числе и ожесточенными спорами в рамках социалистической традиции между сторонниками различных представлений о социализме, то его отличительной чертой явилось противоборство между социализмом и противостоящими ему разного рода альтернативами, ориентированными на рынок, что в конечном счете нашло свое выражение в геополитических структурах холодной войны. Этот век закончился, но что идет ему на смену? Ответом, как кажется, является посткоммунизм. Со-

---

* Критики концепции «зависимой модернизации» начиная с конца 1960 - начала 1970-х годов подчеркивали, что при таком варианте сохраняется деление мира на центр и периферию, на богатый Север и бедный Юг. Происходит одностороннее, деформированное развитие группы слаборазвитых государств, где размещаются «грязные» (в экологическом отношении) производства и захорониваются отходы, произведенные богатыми западными странами. В этих словах немало правды. Но и на это можно возразить, что опыт многих успешно преодолевших свою отсталость государств, в том числе «молодых тигров» Юго-Восточной Азии, может служить положительным примером того, как, используя поддержку извне, страна может вновь обрести богатство и силу.

держание данного термина отнюдь не ограничивается странами, однажды объявившими, что они находятся на пути к коммунизму, а имеет универсальное значение. Это определение эпохи, которая претендует на то, чтобы уйти от крайностей идеологически детерминированной политики в сторону политики более открытого и "дискурсивного" типа» (8).

Саква рассматривает посткоммунизм прежде всего в контексте эволюции социально-философской мысли, указывая на то, что уход с исторической сцены Советского Союза и его союзников стал триумфом и для ревизионистов среди сторонников переустройства мира на социалистических принципах, и для либералов - противников социализма, поскольку ознаменовал поражение реальной альтернативы капитализму, предложенной революционным течением, зародившимся среди социалистов-марксистов ещё в XIX в. Марксистская критика капитализма также оказалась в значительной степени девальвированной.

По Саква, посткоммунизм нельзя рассматривать лишь как очередной сегмент бесконечной цивилизационной траектории (как еще один ярлык с приставкой «пост», придуманный для обозначения исторического периода, в который мы уже вступили, подобный «постмодерну», «постиндустриальному обществу» или «постфордизму»). Посткоммунизм - это, по его мнению, завершение полного исторического цикла, начавшегося в Европе в эпоху Просвещения и ныне приближающегося к концу. Нужно задуматься над тем, какие вызовы ждут человечество в XXI в.

В этой связи нельзя не сказать, что достаточно широко распространена точка зрения, согласно которой экс-социалистические общества возвращаются на магистральный путь развития цивилизации, как автомобили по объездной дороге, поскольку путь, по которому они двигались ранее, завел избравшие его народы в тупик. Они делают это с разной скоростью. «Реальный социализм» в рамках такой аллегории - это зигзаг истории.

Исходя из похожего восприятия истории XX в., высказывается мнение, что и «реальный социализм» и посткоммунизм суть «исторические аномалии», причины которых схожи. Как и в случае реального социализма - это «попытка резкого разрыва с прежней традицией путем бездумного и преступного внедрения в общественную ткань умозрительного социального проекта», при этом «неизбежная реакция отторжения возвращает общество в результате целого ряда социальных метаморфоз в более архаизированное состояние как по отношению к собственному историческому прошлому, так и по отношению к нормам и социальной практике, сложившимся в либеральных обществах» (9). И поэтому посткоммунистические преобразования в России рассматриваются как прыжок назад в далекое историческое прошлое (ниже мы коротко рассмотрим экстравагантную концепцию «нового российского феодализма», в которой предпринята попытка обоснования данной точки зрения).

Определение места посткоммунизма в контексте глобального развития предполагает ответ на вопрос о том, был ли крах коммунизма столь же закономерным и неизбежным, как и победа Октябрьской революции 1917 г. в России, приведшая в конечном счете к возникновению мировой системы социализма*. Таким образом, мы возвращаемся к дискуссии об альтернативных путях развития. Те, кто ра-

---

* Обсуждение причин поражения реального социализма - тема особого разговора.

зочаровались в коммунизме и кого не устраивают капитализм даже в его современном облики или западный образ жизни, часто говорят о необходимости идти «особым», или «третьим», путем*. Правда, как остроумно заметил уже упоминавшийся В. Гавел, в современном мире «третий путь-это путь в третий мир», и пока мы не знаем примеров, опровергающих этот тезис. Стало быть, понимание места посткоммунизма в контексте глобального развития самым непосредственным образом связано с трансформациями бывших социалистических стран в настоящее время, эффективностью политики реформ, которую проводят их руководители, характером социальных систем и политических режимов, пришедших на смену потерпевшей фиаско социалистической альтернативе.

Посткоммунизм как переходный период: цели, задачи, фазы и итоги первого десятилетия реформирования

История последнего десятилетия XX в. показала, что трансформация централизованных плановых экономик в экономики рыночного типа и становление демократических политических систем после устранения коммунистов от власти происходила в странах Восточной Европы по одному и тому же сценарию, хотя, разумеется, реализация общей для всех посткоммунистических государств модели перехода в каждой из стран имела свои особенности.

Переходный период, по мнению многих исследователей, состоит из трех основных фаз (10). Несмотря на то что на протяжении каждой фазы параллельно идут реформы в различных областях, можно выделить основные, определяющие содержание каждой фазы аспекты или действия в экономической и политической областях, без которых дальнейшее успешное продвижение вперед едва ли возможно. Именно на этих моментах мы и остановимся ниже.

Цели. Начнем с главных (конечных) целей - политической и экономической, которые предполагается достичь в результате реформ, осуществляемых на протяжении переходного периода. Это - демократия (буржуазного типа) и свободная рыночная экономика (капиталистического типа). Именно такие представления о важнейших целях, которые надлежит достичь к концу переходного периода, можно встретить в докладах международных организаций, способствующих проведению реформ в бывших социалистических странах. При этом развитие стабильной представительной демократии как общественно-политической системы, в своих принципиальных чертах аналогичной системам, которые существуют

---

* Напомним, что на протяжении XX в. неоднократно высказывались возражения центральной идеи теории модернизации о том, что страна не может выбраться из бедности и отсталости без преобразования своей политической и экономической систем по образцу и подобию продвинутых западных стран, без серьезных перемен в культуре и менталитете нации. В 1960-1970-е годы эта дискуссия была связана с борьбой коммунистов за влияние в странах третьего мира и необходимостью осмысления путей и перспектив развития этих стран, в 1980-х - с очевидными экономическими успехами развивающихся стран Южной и Юго-Восточной Азии, в 1990-х - с сопротивлением вестернизации в постсоветской России, где этот вопрос рассматривается иногда как продолжение извечного российского спора между славянофилами и западниками.

в современных западных обществах, рассматривается западными экспертами обычно в качестве конечной политической цели, а построение «бурно развивающейся рыночной экономики, способной обеспечить рост жизненных стандартов в течение долгого времени», - в качестве конечной экономической цели (11). Иначе говоря, нужно достичь уровня благосостояния и устойчивого экономического развития («догнать» и по возможности «перегнать» Америку - невольно вспоминаются лозунги времен сталинской социалистической индустриализации 1930-х и хрущевской оттепели 1960-х годов).

Между представлениями западных экспертов о том, какие конечные цели должны быть достигнуты в результате комплекса модернизационных мероприятий, и описанием долгосрочных целей в программных документах российского государства нет принципиальных разночтений. В одном из самых первых документов, раскрывающих намерения российского руководства, — Программе углубления экономических реформ, подготовленной правительством Российской Федерации в 1992 г., - конечные цели намечаемых реформ были сформулированы так: «Экономическое, социально-политическое, духовное возрождение России, рост и процветание отечественной экономики, обеспечение на этой основе благосостояния и свободы ее граждан, развитие демократических институтов, укрепление российской государственности» (12). При этом в документе особо подчеркивалось, что российская экономика должна стать рыночной. В первом Послании Президента РФ Федеральному собранию (февраль 1994 г.) долгосрочные цели были описаны сходным образом: «сделать Россию процветающей страной с эффективной экономикой... и обеспечить свободу граждан России посредством укрепления правовой основы функционирования государственной власти, социальных институтов и отдельных личностей» (13). В Послании 1999 г., последнем послании первого российского президента, фактически подводившем итоги его правления, в разделе 1.2 «Приоритеты экономического развития» читатель встречает по существу те же слова: «...Создание демократического общества, динамично развивающегося на основе эффективной современной рыночной экономики, высоких технологий, сохраняющего лучшие традиции российской истории, великое культурное наследие и духовные ценности нашей страны» (14).

Эксперты единодушны во мнении, что посткоммунистический «переход от экономических реформ в других странах отличает то, что это системное изменение, включающее: реформы, которые должны затронуть фундаментальные правила игры, проникнуть в институты, определяющие форму поведения и направляющие деятельность организаций. Чтобы переход удался, должна быть реструктурирована институциональная основа социальной системы, - задача, колоссальная по объему и требующая немалого времени» (15).

В качестве основных компонентов экономического измерения модернизационного сценария выделяют следующие группы мероприятий, в существенной степени определяющие своеобразие каждой из трех вышеназванных основных фаз процесса. Это введение права частной собственности там, где это было необходимо. Это освобождение цен, торговли и доступа к рынкам от государственного контроля. Либерализация рассматривается в качестве первоначального шага, открывающего путь другим составляющим рыночных реформ, - децентрализации управления путем предоставления производителям, продавцам и покупателям возможности самостоятельно принимать решения, проявлять инициативу

и торговать свободно, реагируя на спрос и формируя предложения. Важнейшими экономическими задачами являются также приватизация, открытие рынка для иностранцев и поощрение иностранных капиталовложений, обеспечение конвертируемости национальной валюты.

Принципиально важным моментом является то, что посткоммунистический модернизационный переход предполагает параллельное проведение мероприятий различного характера, кардинально меняющих всю систему координат, в рамках которых осуществляется жизнедеятельность граждан данной страны по сравнению с недавним прошлым*. Исследователи, занимающиеся сравнительным анализом хода и итогов реформ в посткоммунистических странах, обычно акцентируют внимание на следующих измерениях: 1) социально-политические изменения в результате осуществления реформ, направленных на укоренение демократии и развитие гражданского общества; 2) экономические реформы, необходимые в связи с изменением общественно-политического строя и отношений собственности, а также реструктуризацией и адаптацией национальной экономики к требованиям глобального рынка, и их реальные результаты; 3) перемены, связанные с воплощением в жизнь институциональной и правовой реформ, направленных в конечном счете на построение основ правового государства; 4) социальные перемены; 5) изменения во внешней и оборонной политике государства, его международном статусе, включая военную реформу; 6) перемены в культуре (и прежде всего в политической) и менталитете населения. В качестве самостоятельных направлений в России выделяют развитие новой региональной и национальной политики, проблемы федерализма и местного самоуправления, межэтнические отношения и конфликты, а также перемены в отношениях государства и церкви.

Иными словами, кроме перемен в системе отношений собственности и распределения, необходимы реформы и в других областях - в политической и социальной организации общества, внешней и внутренней политике, культуре, без чего конечные цели не могут быть достигнуты. Разумеется, конкретные цели и задачи, которые надлежит решить на той или иной стадии перехода, формулируются с учетом социально-экономической ситуации и морально-психологической атмосферы в стране.

Первая фаза - это этап демократизации общественной жизни и коренного преобразования политического устройства страны. Одновременно это и начало блицкапитализации страны. В первой фазе основной политической целью является разрушение прежней системы власти и установление основ демократии западного типа, включая отказ от однопартийности, развитие политического плюрализма, и т. д.** Приведем в качестве иллюстрации то, как понимались первоочередные задачи в Программе углубления экономических реформ правительства Российской Федерации 1992 г. (17):

---

* В Программе углубления экономических реформ правительства РФ, обнародованной в середине 1992 г., об этом говорилось прямо и недвусмысленно: «Формирование эффективной рыночной экономики предполагает комплексные действия одновременно по всем указанным (в программе. - Авт.) направлениям» (16).

** Ключевым моментом явилось решение об отмене статьи 6 Конституции СССР, провозглашавшей руководящую роль КПСС в управлении государством (1989 г.). Это означало начало цепной реакции социально-политических перемен - легализацию многопартийности и состязательности кандидатов на выборах и т. д. Из звеньев этой цепи вы-

- дерегулирование экономики, снятие административных ограничений с цен, хозяйственных связей, внешнеэкономической деятельности, развитие торговли взамен прежних систем бюрократического распределения;
- стабилизация финансов и денежной системы, обеспечивающая укрепление рубля как всеобщего эквивалента и единственного и законного платежного средства на территории России, что образует основную предпосылку стимулирования деловой активности;
- приватизация, развитие предпринимательства, создание институциональных предпосылок эффективного рыночного хозяйства и экономического роста;
- структурная перестройка экономики, ее демилитаризация, приспособление к структуре потребительского спроса, повышение конкурентоспособности и расширение рынка сбыта российской продукции на мировом рынке, интеграция российской экономики в мировое хозяйство;
- создание конкурентной рыночной среды.

Итак, основной целью реформ в сфере экономики является разрушение основ прежней социалистической системы хозяйствования*.

В России данный этап совпадает с годами «поздней перестройки» и началом посткоммунистического (в буквальном смысле) развития страны (1988-1993 гг.). В 1992-1993 гг. в России произошел решительный отказ от государственного регулирования цен, приведший в конечном итоге к преодолению товарного дефицита, и началась денационализация. Была реализована схема «шоковой терапии». Заметим в этой связи, что правительственная программа реформирования экономики была обнародована в середине 1992 г., уже после фактического начала реформ. Нельзя не согласиться с мнением, что «применительно к России нет смысла даже в теоретическом плане обсуждать вопрос о том, что было бы лучше - постепенные или быстрые ("шоковая терапия") экономические реформы, ибо в России был сделан прямой и политический, по существу, выбор в пользу первого варианта, не обсуждая или взвешивая сугубо экономические аргументы в пользу иного варианта» (19).

Следует заметить в этой связи, что откровенная политическая ангажированность и технократический стиль мышления людей, управлявших реформированием в России в начале 1990-х годов, несомненно, наложили специфический отпечаток не только на характер принятых решений, но и на весь облик посткоммунизма в стране.

Либерализация цен рассматривается теоретиками в качестве первоначального шага, открывающего путь другим составляющим рыночных реформ - децентрализации управления путем предоставления производителям, продавцам и покупателям возможности самостоятельно принимать решения, проявлять

делим провозглашение независимости России 12 июня 1991 г., августовский (1991 г.) переворот, ликвидацию СССР в декабре 1991 г., принятие новой конституции РФ в декабре 1993 г.

* Кроме вышеперечисленных ясных и конкретных задач по перестройке экономики, в числе основных направлений имелось и весьма расплывчато сформулированное указание на необходимость проведения активной социальной политики «с целью приспособления трудоспособного населения к новым условиям, защиты наиболее уязвимых слоев от негативных проявлений переходных процессов, создание предпосылок экономического роста на основе повышения роли деловой активности и добровольных частных сбережений граждан» (18).

инициативу и торговать свободно, реагируя на спрос и формируя предложения. Либерализация цен в 1992-1993 гг. не могла не привести к их стремительному росту. Поэтому наполнение товарного рынка происходило на фоне резкого падения жизненного уровня большинства населения страны, уменьшения объема потребления основных продуктов и услуг большей частью граждан и усиления дифференциации населения по уровню доходов*. В условиях ускорившегося в начале 1990-х годов падения сельскохозяйственного и промышленного производства источником наполнения товарного рынка стал импорт иностранной продукции и вытеснение с него отечественных товаропроизводителей.

Другим важнейшим компонентом либеральных реформ на данном этапе явилась приватизация, начавшаяся уже после либерализации цен. Официально приватизация была представлена гражданам как способ передачи народу созданного им богатства, но реальная суть ее была иной. Она явилась легитимным инструментом капитализации страны максимально быстрыми темпами и средством так называемого первоначального накопления капитала. Без преувеличения можно сказать, что в ходе приватизации обнаружились принципиальные различия между декларируемыми (повышение уровня жизни всего населения) и фактическими (передача собственности и властных хозяйственных функций отдельным социальным группам) целями экономической реформы. Если говорить о её социальном содержании, то приватизация явилась средством дифференциации населения на лиц, имеющих и не имеющих собственность, на очень богатых «новых русских» и бедных.

Принятая схема приватизации, получившая название «номенклатурной приватизации», создала власть имущим и преступным сообществам невероятные возможности для приобретения государственного имущества по явно заниженным ценам. В начале произошла материализация спекулятивного капитала через скупку ваучеров (которые ничего не дали отдельному человеку, но позволили спекулянтам получить за бесценок существенную часть общественного богатства). Затем последовала денежная приватизация, в которой практически смогли участвовать лишь структуры, обладавшие достаточно крупным капиталом. И поэтому не удивительно, что неизбежным побочным продуктом передела бывшей государственной (общенародной) и общественной собственности стала криминализация экономики страны в целом, и в том числе бурный рост неформальной и теневой экономики. Именно на начальном этапе переходного периода в России в ходе борьбы рядовых россиян за физическое выживание начала складываться специфическая, основанная на неформальной экономике, культура нищеты, подобно той, что существует в латиноамериканских странах**.

Приватизация средств производства, торговли и, отчасти, земли была проведена в России не как вынужденная экономическая мера, имевшая конечной

---

* Рост цен не оказывал серьезного ограничивающего воздействия на покупательные возможности лишь незначительных по численности социальных групп населения, для части из которых он сам являлся одним из основных источников роста их спекулятивных (по природе) доходов.

** См. об этом феномене в работе бразильского социолога А. Гилберта, полагающего, что неформальная экономика и культура нищеты в странах Латинской Америки являются побочным продуктом политики реструктуризации, осуществляемой по рецептам МВФ (20).

целью повышение эффективности функционирования национальной экономики и рост национального богатства, а прежде всего как сугубо политическая акция, направленная на слом социалистического экономического порядка и минимизацию присутствия государства в экономике (за что на всем протяжении XX в. боролись либералы и против чего выступали социалисты во всем мире). Приватизация, согласно наметкам теоретиков, в конечном счете должна была привести к уменьшению прямого контроля государства над национальной экономикой и наполнению оскудевшей государственной казны. Первая цель в России была достигнута в середине 1990-х годов: право на собственность в огромной части прежде государственных предприятий перешло от государства к акционерам; большинство бывших колхозов и совхозов получило новый статус крестьянских ассоциаций или же сельхозкооперативов, появилось более 100 тыс. фермерских хозяйств (ничтожная малость для огромной страны). Вторая цель не достигнута.

«Номенклатурная приватизация» не вывела страну из кризиса. Производство промышленной продукции в стране в 1990-е годы не только не выросло, а, напротив, существенно сократилось, уровень продовольственной безопасности страны уменьшился, ибо от поставок продовольствия из-за границы отказаться было нельзя.

Основными задачами второй фазы являются закрепление радикальных политических перемен и дальнейшее углубление и расширение экономических реформ. Иными словами, к концу второго этапа в обществе должно быть достигнуто согласие относительно целей и методов реформирования, отлажено взаимодействие ветвей власти, а борьба политических партий за голоса избирателей, возможность формировать кабинет министров и реализовывать на практике свое видение стратегии и тактики реформ, т. е. за реальную политическую власть, не должна приводить к чрезмерной социальной напряженности в обществе.

В постсоветской России, по мнению высшего руководства страны, большая часть из названных выше политических задач была в той или иной мере решена. Так, например, в Послании Президента РФ Федеральному собранию в 1996 г. указывалось, в частности, на следующие моменты: 1) принятие в декабре 1993 г. новой конституции, заложившей правовую основу постсоветской российской государственности; 2) подписание Договора об общественном согласии (реально не оказавшего существенного влияния на политические процессы в стране); 3) избрание (дважды) парламента, занимающегося законодотворчеством на профессиональной основе, и развитие законодотворчества на местах; 4) учреждение Конституционного суда РФ, что способствовало превращению судебной власти в самостоятельную ветвь государственной власти; 5) реорганизация работы судов всех инстанций на основе прямого действия конституции (желаемое выдается за достигнутое); 6) принятие важнейших законов в сфере экономики и мер, направленных на формирование институтов гражданского общества; 7) предотвращение распада Российской Федерации, в том числе благодаря заключению Федеративного договора 1992 г. (не оправдались катастрофические прогнозы, основанные на неправомерной экстраполяции «парада суверенитетов» конца 1980-х годов); 8) становление в 1994 г. бюджетного федерализма (прекращение самовольных невыплат в федеральный бюджет, перераспределение пропорций в расходной части в пользу регионов и т. д.); 9) ликвидация угрозы сепаратизма (явно поспешное и опрометчивое утверждение, сделанное в разгар первой военной

кампании в Чечне); 10) недопущение массовых проявлений межэтнической кон-фронтации. Успехи в решении политических задач были отмечены не только в области внутренней политики, но и в сфере внешней политики и международных отношений*.

Однако при всех позитивных итогах можно спорить, насколько правильно и удачно были проведены демократические преобразования, определявшие содержание второго этапа перехода на политическом уровне. На наш взгляд, в 1992-1999 гг. постсоветская Россия обрела внешние атрибуты представительной демократии, но не сумела, увы, избавиться от традиционной для этой страны черты - политического авторитаризма, став по существу «суперпрезидентской республикой». По конституции 1993 г. баланс властей смещен в сторону исполнительной ветви, в пользу президента. Федеральное собрание имеет крайне ограниченные возможности в контроле за деятельностью правительства и президента. Многие решения, которые принимаются Думой, не имеют прямого действия и отменяются либо Советом Федерации, либо президентом. Судьбоносные для страны решения проводились в жизнь президентскими указами, а не законами. Несмотря на очевидное несовершенство действующей конституции, работа по внесению в нее поправок практически была заблокирована президентской администрацией. Все еще огромно влияние подчиненных непосредственно президенту силовых министров на принятие политических решений, особенно в вопросах национальной безопасности (военные кампании в Чечне являются иллюстрацией этого тезиса).

Важнейшими экономическими задачами второй фазы, по мнению теоретиков модернизации, являются широкомасштабная приватизация, открытие рынка для иностранцев и поощрение иностранных капиталовложений, обеспечение конвертируемости национальной валюты. Хорошо известно, что рынок не может нормально работать в условиях высокой инфляции (более 40 % в год) и макроэкономической неопределенности. Поэтому стабилизация в сфере реальной экономики - вот главная цель второй фазы переходного периода. Она не может быть достигнута без укрепления национальной банковской системы. В экономике к концу этой фазы должны возникнуть первые признаки преодоления кризиса (рост ВВП и т. п.).

Рассмотрим теперь, в какой мере названные задачи реализованы в России. Уже к середине 1990-х годов большая часть собственности, ранее принадлежавшей государству, была приватизирована. При этом возникли олигархии - крупные финансово-промышленные группы. Несколько из них, по оценкам экспер-

---

* К позитивным итогам в области внешней политики и международных отношений было отнесено то, что Россия была принята в Совет Европы и впервые в XX в. для России нет реальной военной угрозы из-за рубежа, Россия и США осуществляют беспрецедентные по глубине сокращения стратегических вооружений, достигнута договоренность о бессрочном и безусловном продлении Договора о нераспространении ядерного оружия, подготовлено соглашение с Китаем о мерах доверия и военной разрядки вдоль границы, сформировалась тенденция к существенному углублению интеграции государств - членов СНГ (это утверждение ряд аналитиков ставили под вопрос); налажены хорошие политические отношения со странами АСЕАН и Персидского залива, осуществлен выход на их рынки, в том числе рынки вооружений; заключено Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Европейским союзом (21). В Послании 1999 г. утверждалось, что «Россия на деле превратилась в федеративное государство» (22).

тов, в конце 1990-х годов контролировало уже до половины экономики страны, осуществив, по сути, очередной передел собственности. Дело в том, что в середине 1990-х годов большая часть приватизированных (акционированных) предприятий в большинстве отраслей индустрии и сельского хозяйства оказалась в крайне тяжелом положении. Многие государственные предприятия и предприятия среднего и малого бизнеса также находились на грани банкротства. Это явилось одной из предпосылок для очередного передела собственности, который привел в конце 1990-х если не к полному господству, то, по крайней мере, доминированию в экономике нескольких монопольных частных и частно-государственных структур. По существу, в те годы началась вторая стадия углубленной капитализации страны - поглощение крупными монопольно-корпоративными образованиями олигархического типа более слабых экономических субъектов. При этом использовались разные методы - от денежной приватизации до подавления и захвата мелких и средних финансовых и банковских образований более сильными. В результате скупки акций у членов трудовых коллективов или государства произошел фактический пересмотр итогов ранее проведенной приватизации. Срачивание различных финансовых и промышленных группировок привело к обострению конкурентной борьбы между олигархами за овладение наиболее важными и перспективными производственными объектами, ресурсами, территориями.

Крупные капиталистические структуры овладели прежде всего финансово-банковской, энергетической и сырьевой сферами. Спекулятивные основы возникновения этих структур, общая кризисная экономическая ситуация в стране обусловили характер их деятельности: финансово-денежные спекуляции, ориентация на вывоз денежного капитала и сырья за границу. В эти же годы мелкий бизнес в городах был фактически захвачен различными мафиозными структурами. Возникшая в итоге девятилетних реформ российская экономическая система в Послании Президента 1999 г. была охарактеризована как «уродливая переходная система, застрявшая на полпути от плановой экономики к рыночной» (23).

Срачивание различных финансовых и промышленных группировок привело к обострению конкурентной борьбы олигархов за контроль над наиболее важными и перспективными производственными объектами, ресурсами, территориями. Медиарынок, сложившийся в России к середине 1990-х годов, также стал ареной борьбы между соперничающими группировками. Крупный олигархический капитал добился контроля над общенациональными СМИ и стал реальной политической силой, оказывающей огромное влияние на решения, принимаемые президентской администрацией, правительством, парламентом и властями на местах.

Надежды на приток инвестиций из-за рубежа не оправдались, хотя внутренний рынок был открыт для иностранцев. Деньги не пришли в Россию - напротив, они вывозились из нее. Причинами этого явились как несовершенство российских законов, так и, в первую очередь, внутренняя политическая нестабильность, военные действия, ведшиеся правящим режимом на территории своей страны (24).

Осенью 1991 г. Б.Н. Ельцин уверял россиян, что «потерпеть нужно лишь несколько месяцев, а потом всё наладится». В Программе Совета Министров - Правительства РФ на 1993-1995 гг. (25) был предусмотрен этап кризисного состояния экономики, могущий стать результатом ее либерализации и характеризую-

шийся спадом производства, инфляцией, сокращением занятости и т. п. Длительность этого этапа определялась первоначально в два года (1992-1993 гг.)*. Предполагалось, что затем в экономике наступит оживление — прекратится спад производства, произойдет финансовая стабилизация и начнется этап быстрого восстановления национального хозяйства, в который экономика должна была вступить с устойчивой конвертируемой национальной валютой и относительно стабильными ценами**.

И действительно, известная стабилизация экономической ситуации, казалось, наступила к началу 1997 г. Ценные бумаги российского правительства, такие, как ГКО и евробонды - облигации, размещенные за рубежом, считались высокоприбыльным вложением капитала и весьма охотно приобретались отечественными и иностранными банками. Однако победа была пирровой, ибо была достигнута путем громадного увеличения величины внутреннего и внешнего долга, и поэтому надеждам на скорое выздоровление российской экономики не суждено было сбыться***. 17 августа 1998 г. правительство РФ, возглавляемое С.В. Кириенко, по существу объявило страну банкротом, неспособным выплачивать свои обязательства по долгам. В результате краха финансовой пирамиды ГКО и выявившейся неспособности российского правительства обеспечивать ранее принятые на себя обязательства западные держатели российских ценных бумаг потеряли миллиарды долларов. Рухнула банковская система страны, и граждане, имевшие вклады в российских коммерческих банках, лишились большей части своих валютных и рублевых накоплений. Рубль по отношению к доллару практически в одночасье обесценился примерно в четыре раза.

Однако кардинальной коррекции правительственного курса не произошло, хотя даже не относившиеся к оппозиции, лояльные по отношению к президенту политики публично заговорили о необходимости пересмотра экономической политики, проводившейся на протяжении последних десяти лет, о том, что в стране нет активной социальной политики, направленной на улучшение благосостояния и условий жизни большинства населения, несмотря на разного рода декларации и заявления о социальной ориентации экономической реформы. Вот лишь не-

---

* Уровень инфляции в 1992-1993 гг. был угрожающе высоким. Однако гиперинфляции тогда удалось избежать. Именно в эти годы произошло обвальное падение российского ВВП (примерно до 40 % от уровня 1989 г.) и уровня промышленного производства, что явилось беспрецедентным в новейшей мировой истории, а в России такого не было с периода гражданской войны 1918-1922 гг.

** В Посланиях Президента 1994 и 1996 гг. первоочередными экономическими целями провозглашались достижение финансовой стабилизации и победа над инфляцией; в послании 1995 г. задача снижения роста цен в явном виде не ставилась (26, 27, 28). В Посланиях 1997 и 1998 г.г. финансовая стабилизация записывалась исполнительной властью себе в актив (29, 30). Согласно официальным источникам информации, инфляция снизилась с 20 % в месяц в 1992-1994 г.г. до 8 % в месяц к лету 1995 г., 4 % - в январе 1996 г. и 1-2 % - осенью того же года и весной 1997 г. Однако этот успех был достигнут за счет иностранных кредитов, искусственного завышения курса рубля и массового выпуска государственных ценных бумаг. Такая ситуация не могла сохраняться достаточно долго, и тревожные симптомы неблагополучия в финансово-кредитной сфере проявились уже в конце 1997 - начале 1998 г. в виде роста доходности на рынке ГКО и повышения ставки рефинансирования. Хотя в Послании 1998 г. этой проблеме и было уделено достаточно места, предотвратить надвигающийся кризис не удалось.

*** Величина внешнего долга в 1997 г. оценивалась суммой в 135 млрд долл. США (31). В последующие годы он продолжал расти.

сколько примеров. В Послании Президента 1994 г. (32) вопросы социальной политики даже не были выделены в отдельный блок, а даны в связке с чисто экономическими задачами (глава 4 «К социальному государству через рыночную экономику»). Однако уже в Послании 1995 г. заявлялось о необходимости социальной ориентации экономической реформы (33). Начиная с 1995 г. во всех президентских посланиях социальные вопросы выделяются в самостоятельный раздел. В Послании 1999 г. критикуется «технократический подход в проведении реформ и их не комплексность» (34).

Президентское послание 1999 г. свидетельствовало прежде всего о том, что Ельцин и его ближайшее окружение и по прошествии девяти лет со времени прихода к власти находились в состоянии войны с ушедшим в небытие социалистическим прошлым, более всего боясь коммунистического реванша*. Данное обстоятельство также может считаться отличительной чертой второй фазы развития российского посткоммунизма.

Третья фаза - это политическая консолидация общества и начало устойчивого экономического роста. Отличительной чертой этого периода, согласно представлениям теоретиков, является стабилизация партийной системы, уменьшение общего количества партий. Общественное мнение становится реальной политической силой, укрепляется гражданское общество, расширяется социальная база поддержки сил, отстаивающих демократические ценности и постмодерные цели как ориентиры для будущего развития страны. Финансовая стабилизация — удержание дефицита бюджета и инфляции на среднем уровне - ключевой момент в стабилизации экономики, залог её возрождения на протяжении третьей фазы модернизационного перехода. Именно на третьем этапе во всю силу должны заработать рыночные механизмы и условия, созданные на предыдущих стадиях. Национальная экономика выходит из кризиса, наблюдается устойчивая позитивная динамика важнейших макроэкономических показателей.

Наверное, можно говорить о том, что экс-социалистические центральноевропейские страны уже находятся в третьей фазе или даже близки к завершению последнего этапа и тем самым переходного периода в целом. На наш взгляд, есть некоторые основания полагать, что Россия стоит на пороге третьей фазы. Приведем несколько аргументов в поддержку этого тезиса.

Так, мы полагаем, что уже можно говорить о том, что в России происходит стабилизация партийной системы. Несмотря на наличие множества политических образований, претендующих на то, чтобы называться политическими парти-

---

* По поводу президентского послания 1999 г. «Независимая газета» писала: «В условиях жесточайшего экономического кризиса действующий глава государства уделяет проблемам его преодоления всего около трети важнейшего стратегического документа, да и то не высказывает на этих 30 страницах ничего оригинального. Зато о том, что должно происходить в политической сфере страны для того, чтобы достижения и даже просто традиции (не всегда, кстати, хорошие) нынешнего режима ни в коем случае не были ревизованы, говорится на протяжении примерно половины текста». Вот ещё одно мнение: «...когда в 1998 году президент обращался к Федеральному собранию практически с теми же призывами, в России был ещё экономический рост, пусть и измеряемый долями процента. За минувший год страна пережила серьёзный экономический кризис. И если год назад не удалось осуществление задуманного президентом, то сегодня вряд ли у кого возникнут сомнения в том, что шансы на исполнение президентского послания, по крайней мере в его экономической части, мизерны» (35).

ями и общественно-политическими движениями, на общероссийском уровне лишь несколько партий и объединений обладают необходимыми ресурсами и достаточно большим и устойчивым числом сторонников для того, чтобы провести своих представителей в федеральный парламент или законодательные собрания регионов. К такому выводу нельзя не прийти, если внимательно проанализировать итоги общенациональных выборов за последнее десятилетие.

После последних парламентских (декабрь 1999 г.) и президентских (март 2000 г.) выборов стало ясно, что у правых (СПС) и либералов из «Яблока», пытавшихся играть в период правления Ельцина роль «демократической оппозиции», -общий электорат и что между ними нет сколько-нибудь значимых идеологических различий. Тенденция к консолидации на правом фланге партийного спектра налицо.

Очередной «партией власти» стало «Единство», созданное Кремлем накануне выборов и занимающее сегодня правоцентристскую позицию. Поскольку эта организация - конгломерат прагматиков и конформистов всех мастей - открыто поддерживается президентом РФ В.В. Путиным, то можно предположить, что она просуществует несколько дольше своих предшественниц, также претендовавших на роль партийной опоры режима (ДВР, Пресс, НДР), но не имевших столь демонстративной поддержки хозяина Кремля. Весьма вероятно, что в обозримом будущем в это политическое образование перейдут и региональные лидеры, в настоящее время поддерживающие движения «Отечество» и «Вся Россия», которые были созданы незадолго до парламентских выборов 1999 г.

Компартия, будучи интегрированной в постсоветскую политическую систему, сегодня выглядит скорее как социал-демократические реформаторские партии Западной Европы, нежели как революционная РСДРП(б). Руководителей КПРФ вполне устраивает роль лидеров левой парламентской оппозиции, системной и лояльной по отношению к режиму.

Хотя партийная система в стране достаточно хорошо развита, и политическое общество (важнейшая компонента гражданского общества) уже сложилось, в целом гражданское общество еще весьма слабо. В сравнении с развитыми западными демократиями политический вес партий, профсоюзов и иных негосударственных общественных организаций, взаимодействующих с исполнительной властью посредством традиционных каналов политической коммуникации, невелик, тогда как влияние объединений предпринимателей и региональных кланов, которые действуют через закулисную сеть личных связей своих членов с бюрократами всех уровней, огромно*. Средства массовой информации - печатные и электронные - не являются независимой «четвертой властью», а общественное мнение не воспринимается властями как реальная сила.

---

* Подлинно влиятельные ассоциации по интересам всюду в мире, и Россия здесь не исключение, представляют интересы политической и экономической элиты. Известно множество примеров «взаимопонимания», существующего между руководителями исполнительной и законодательной власти, высокопоставленными чиновниками министерств, парламентариями и лидерами объединений промышленников или предпринимателей. Бывшие министры «всплывают» в креслах президентов коммерческих банков и вице-президентов промышленных концернов, и, наоборот удачливые бизнесмены приобретают мандаты и депутатский иммунитет, входят в правительство и окружение президента; подобный, далеко небескорыстный, «обмен людьми и идеями» происходит непрерывно как на высшем, так и на региональном уровне. Как правило, все эти люди ранее, при коммунистическом режиме, входили в состав партхозноменклатуры разного уровня.

В табл. 1 показана динамика основных макроэкономических показателей России в 1990-1999 гг. Наверное, всё происходящее в российской экономике правильнее квалифицировать как реструктуризацию, а не как депрессию и уж не как деиндустриализацию народного хозяйства и примитивизацию производства*. В подтверждение этой мысли обратим внимание на то, что на протяжении последних лет наблюдается устойчивый и быстрый рост в таких отраслях хозяйства, как услуги и торговля, т. е. налицо эффект, который и является отражением реструктуризации. Статистики отметили явные признаки оживления и в сфере производства в 1999 г. и начале 2000 г.

Говоря о российской экономике, нельзя не упомянуть о том, что и до финансового кризиса 17 августа 1998 г., и после него наблюдатели, как на Западе, так и в России, неоднократно высказывали мнение о том, что статистика показывает более мрачную картину положения дел, нежели оно есть на самом деле. Утверждается, что все не так уж плохо, ибо в стране активно функционирует «теневая» экономика, с доходов которой налоги в казну не поступают, что из России вывозится капитал в объеме до 20-25 млрд долл. ежегодно и что девальвация рубля вследствие августовского кризиса 1998 г. пошла на пользу отечественному производителю, частично вытеснив с рынка импортные товары и несколько оживив производство**. Критики мрачных оценок развития российской экономики неоднократно и справедливо подчеркивали, что по официальным данным начиная с 1993 г. и вплоть до августовских событий 1998 г. неуклонно росло положительное сальдо внешнеторгового баланса.

Наиболее впечатляющим результатом перехода к рынку явилось вначале резкое сокращение, а затем и ликвидация дефицита продуктов питания и товаров народного потребления на потребительском рынке. Россияне, которые в течение десятилетий советской власти были приучены к товарному дефициту, долгому стоянию в очередях в магазинах, уже привыкли к тому, что теперь и в российских магазинах и на рынках можно встретить, как и на Западе, самые разнообразные товары, привезенные со всего света. И этот факт в глазах большинства рядовых граждан является, быть может, единственным безусловно положительно оцениваемым итогом перехода к рыночной экономике.

---

* В этом, на наш взгляд, заключается отличие России от Болгарии или Югославии конца 1990-х годов. Социологи и политологи в этих странах с тревогой говорят о наметившейся тенденции деиндустриализации и устойчиво депрессивном характере экономической ситуации, сложившейся после краха социализма. Мы обращаем внимание читателя на данное обстоятельство, поскольку по социально-психологическим и политико-культурным характеристикам и по модели социально-экономической дифференциации посткоммунистические общества России, Болгарии и Югославии очень похожи друг на друга.

** Действительно, цифры, показывающие динамику производства и потребления энергии, отражают менее пессимистическую картину снижения уровня экономической активности, чем показатель ВВП. По мнению специалистов, это напрямую указывает, что в стране существует незарегистрированное производство товаров, а значит, и неконтролируемые государством доходы его владельцев и занятых в нем работников. Теневая экономика поглощает значительную часть человеческих, материальных и энергетических ресурсов. Объемы теневой экономики в России оценивались представителями экономических министерств в 20-25 % [Финансовые Известия, 16.12.1997.], а руководителями министерства внутренних дел даже в 40-45 % от ВВП [Социально-политический журнал, 1997. № 5. С. 4, 15].

Динамика экономического развития России в 1990-1999 гг.

Год	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
ВВП, в % к предыдущему году	—	95,0	85,5	91,3	87,3	95,9	95,1	100,4	95,4	103,2
ВВП, в % к 1990 г.=100	-	95,0	81,2	74,2	64,7	62,1	59,0	59,3	56,3	58,1
Продукция промышленности, в % к 1990 г. = 100	100	92,0	75,4	64,9	51,3	49,7	47,7	48,6	46,07	48,4
Продукция сельского хозяйства, в % к 1990 г. = 100	100	95,0	86,5	83,0	73,0 -	67,2	62,5	62,6	54,9	56,2
Капиталообразующие инвестиции, в% к 1990 г. =100	100	85,0	51,0	44,9	34,1	30,7	25,2	23,9	22,3	22,6
Производство электроэнергии, в % к 1990 г. =100	100	100,3	95,3	90,5	82,4	79,9	78,3	76,7	76,0	77,7
Добыча нефти, в % к 1990 г. = 100	100	90,0	84,6	77,0	71,6	68,7	67,4	68,2	67,5	69,7
Добыча природного газа, в % к 1990 г. =100	100	101,0	98,0	93,1	87,5	87,1	86,3	84,2	87,4	87,1
Иностраные инвестиции, млн долл	—	-	-		1053,4	2796,7	65,06	10498,0	1483 (январь - сентябрь)	-
Экспорт, млрд долл.	71,148	50,911	53,605	59,646	67,542	81,096	89,110	87,4	65,8	63,7
Импорт, млрд долл.	81,751	44,473	42,971	44,304	50,518	60,945	62,278	67,6	55,8	36,9
Дефицит консолидированного бюджета, в % к ВВП	1,3	2,7	3,4	4,6	10,7	3,0	4,2	4,4	3,25 (январь - ноябрь)	2,14
Индекс роста цен 1990 г. = 100	100	260	6774	63676	203763	470692	574244	637411	1175386	1604402
Индекс роста потребительских цен в % к предыдущему году	-	260	2605	940	319	231	122	111	184,4	136,5

Источники: Российская Федерация в 1992 году. М.: Госкомстат, 1993. С. 50; Российский статистический ежегодник. МЛ: Госкомстат, 1997. С. 59-61, 138, 330, 517-518, 524, 577, 657; Социально-экономическое положение России. М: Госкомстат, 1997. № 12. С. 40, 77, 258; Россия' 98. М.: Госкомстат, 1998. С. 13,21, 25, 30, 39, 50, 55; 1998. № 12, С. 7, 8, 25, 30, 199, 260; 1999. № 12. С.7,17,137.

Иностранцы обращают внимание на строительный бум в Москве, где развернулось строительство дорогостоящего жилья и загородных особняков для «новых русских», появились магазины крупнейших западных фирм, множество иномарок, включая очень дорогие модели. Действительно, за десятилетие реформ парк личных автомобилей удвоился. По некоторым оценкам количество автомобилей увеличивалось за последние годы на 1,3 млн штук ежегодно. Специалисты по конъюнктуре рынка до событий августа 1998 г. считали, что русский рынок персональных компьютеров расширяется на 25 % ежегодно*. Конечно, общее количество персональных ЭВМ в России - это ничтожное число в сравнении, например, с США, но в данном случае важен сам факт роста количества продаж компьютеров, равно как выпуска автомашин или строительства квартир.

Оценки продолжительности переходного периода. Рассмотренные выше фазы переходного периода различаются не только по содержанию, но и по продолжительности. Длительность первой фазы в различных странах Восточной Европы составляла, по оценкам различных авторов, от одного года до пяти лет. На вторую фазу отводился срок от 3-х до 10 лет, на третью - 5-15 лет. Таким образом, по теоретическим прикидкам переходный период в центрально- и восточноевропейских государствах может продлиться от 10 до 30 лет.

С учетом того, что реформы в России и СНГ идут более медленно и менее успешно, по мнению специалистов, на постсоветском пространстве для реализации рассмотренного сценария может потребоваться больше времени, чем, например, в Чехии, Венгрии или Польше. Оптимисты полагают, что переходный период в Российской Федерации займет не более 15-20 лет, если начинать его отчет с 1991 г., т. е. закончится он в первой четверти XXI в. Они утверждают, что в этой стране уже в конце 1990-х годов завершилось становление институтов политической демократии и основ рыночной экономики. По мнению других, переход может закончиться ближе к середине XXI столетия, т. е. эпоха посткоммунизма в России растянется почти на полвека**. Прогноз не очень оптимистичный, но для него, на наш взгляд, есть веские основания, обусловленные прежде всего положением дел в экономике.

Если в начале 1970-х годов Россия (СССР) находилась в начале второго десятка государств по уровню развития среди всех стран мира (имеются в виду такие макроэкономические показатели, как ВВП, ВВП на душу населения, рассчитанный в долларах США с учетом паритета покупательной способности национальной валюты, и индекс человеческого развития, определяемый ООН с учетом не только экономического положения, но и демографических показателей и образовательного потенциала страны), то в начале 1990-х годов она скатилась в середину списка - в шестой десяток - и оказалась в компании развивающихся государств или стран «третьего мира», как их прежде называли. По удельным макроэкономическим показателям, и прежде всего по доходу на душу населения, Рос-

---

* В конце 1980 - начале 1990-х годов количество персональных компьютеров в России было крайне незначительно (несколько сотен тысяч). В 1997 г. - приблизительно 3,5 млн; только за 1997 г. было продано около 1,5 млн штук.

** Различия в прогнозных оценках обусловлены разным пониманием критериев и условий, которым, по мнению авторов, должны удовлетворять российское общество и экономика по окончании переходного периода. Из-за ограничений объема мы не имеем возможности рассмотреть этот аспект темы подробнее.

сию уже обошли многие государства Латинской Америки, Азии и Ближнего Востока, ранее отстававшие от нее (например, Аргентина, Бразилия, Мексика, Южная Корея, Сингапур, Таиланд, Саудовская Аравия, ОАЭ и др.).

Во вторую десятку в начале 1970-х годов входили и такие европейские социалистические страны, как Чехия, Польша и Венгрия. Названные страны, как и Россия, ко времени краха коммунистических режимов (1989) переживали экономический кризис, и их макроэкономические показатели были хуже, нежели в начале 1970-х годов. Однако в ходе реформ они сумели не только удержаться, укрепиться на позициях, которые занимали в конце 1980-х годов, но и сделать шаг вперед, создав основу для дальнейшего прогрессивного развития (см. рис. 1). По уровню жизни населения эти государства приближаются к уровню стран Европейского союза. В Чехии, Венгрии и Польше валовой внутренний продукт на одного человека, рассчитанный в долларах США с учетом паритета покупательной способности национальной валюты, увеличился за последнее десятилетие примерно в полтора - два раза; если в 1991 г. Россия превосходила эти страны по данному показателю, то в конце десятилетия картина поменялась на обратную - в названных странах реальный душевой ВВП был в 1,6 - 2,4 раза выше российского.

Сопоставление динамики макроэкономических показателей Российской Федерации и США демонстрирует поистине удручающую картину быстро увеличивающегося отставания нашей страны от признанного лидера капиталистического мира. Отставание России от США за годы посткоммунистического развития по величине ВВП на одного человека, скорректированного с учетом покупательной способности национальной валюты, выросло в 2,5-2,7 раза. На пороге XXI в. реальный душевой ВВП России составляет примерно 12-14 % от американского уровня*.

Посткоммунизм сделал различие между богатым меньшинством и бедным большинством глубоким, отчетливым и осязаемым. Уже в первом президентском Послании (1994 г.) отмечалось, что «наибольшие опасения вызывают бедность, вопиющее неравенство и безработица». Действительно, по сравнению со значениями, зарегистрированными в последние 20 лет советской власти, децильный коэффициент дифференциации по величине совокупного дохода семьи для населения в целом (отношение доходов 10 % наиболее обеспеченного населения к такой же доле доходов наименее обеспеченного населения) увеличился примерно в 4,5 раза - в 1998 г. он был равен 13,9. Эксперты считают, что официальные статистические данные дают заниженные оценки масштабов дифференциации по доходам, поскольку в реальности она в полтора - два раза выше, и что в руках 3—5 % действительно богатых «новых русских» сосредоточено до одной трети от общей массы денежных доходов.

Динамика среднедушевого реального (т. е. скорректированного с учетом инфляции) дохода за годы реформ показана на рис. 2. После 10 лет реформирования этот показатель стал равен примерно трети от уровня 1990 г., предшествовавшего началу радикальных реформ. Мы не знаем, сколько лет потребуется, чтобы вернуться на уровень 1990 г., и возможно ли это.

К середине 1990-х годов в России утвердилась качественно новая модель распределения доходов, пропорции которой весьма похожи на те, что сложились

---

* Значительно сократился физический объем ВВП России, который через 10 лет реформ стал почти в 2 раза меньше, чем в 1990 г, когда он был равен 1268,4 млрд долл. США.

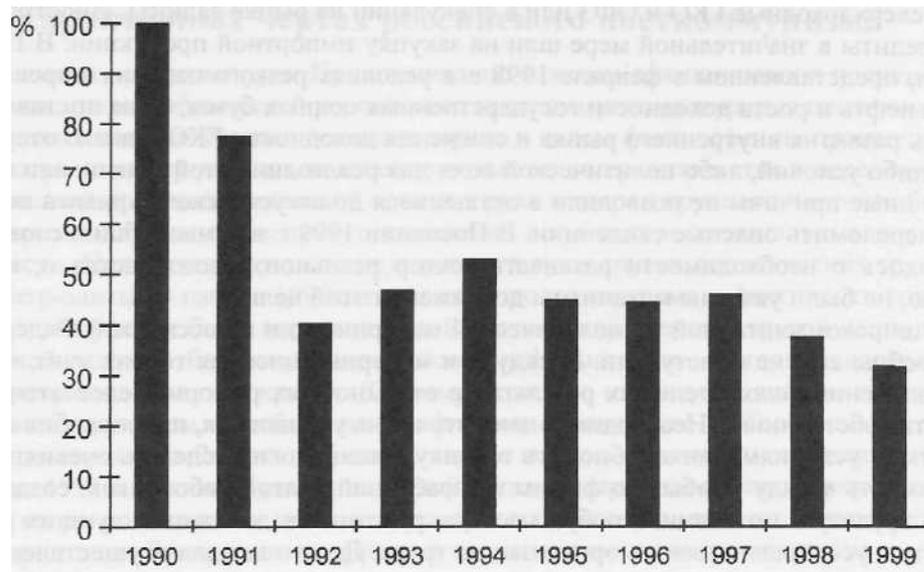

Рисунок 2. Динамика реального месячного среднедушевого дохода в России в 1990-1999 гг. (по данным Госкомстата РФ, 1990 г. = 100%)

в США. Как и в США, на долю 20 % россиян с наивысшими доходами ныне приходится почти половина общего объема денежных доходов населения страны, точнее, согласно Госкомстату РФ, в 1999 г. - 47,3 %. Однако за сходством пропорций кроется колоссальное различие в абсолютных цифрах - доходы абсолютного большинства россиян в долларовом эквиваленте просто несопоставимы с доходами даже бедных американцев. У 80 % населения среднедушевой доход в день не превышает 3-х долл.

Россия в начале XXI в. - это поистине страна бедных и в относительном, и в абсолютном смысле, людей. Это государство, где у более чем половины граждан денежные доходы не превышают уровня прожиточного минимума. По-видимому, правы те, кто полагают, что правильность избранного В.В. Путиным, новым президентом страны, курса следует оценивать с точки зрения содействия росту благосостояния всего народа. Достичь этого можно лишь благодаря подъему реального сектора экономики, техническому перевооружению традиционных отраслей и ускоренному развитию наукоемких и высокотехнологических производств.

В Посланиях 1994, 1995, 1996 гг. задача осуществления стратегического структурного поворота (увеличение в ВВП доли обрабатывающей, особенно наукоемкой, промышленности) была внесена в число первостепенных. Однако в действительности основным источником доходов для России является продажа сырья и топлива (продажа вооружений - второй основной источник). Лишь в добыче нефти и природного газа не наблюдалось значительного спада производства (а в отдельные годы имел место небольшой его рост). В бюджеты страны заранее закладывается ожидаемая прибыль от их продажи. Совершенно очевидно, что правительство и впредь не собирается отказываться от привычного источника до-

ходов. Частные же инвесторы до кризиса 1998 г. предпочитали вкладывать средства в сверхдоходные ГКО и ОФЗ или в спекуляции на рынке валюты. Иностранные кредиты в значительной мере шли на закупку импортной продукции. В Послании, представленном в феврале 1998 г. в условиях резкого падения мировых цен на нефть и роста доходности государственных ценных бумаг, была поставлена цель развития внутреннего рынка и снижения доходности ГКО, однако отсутствие либо условий, либо политической воли для реализации этой задачи, или какие-то иные причины не позволили в оставшиеся до августовского кризиса полгода переломить опасные тенденции. В Послании 1999 г. в самых общих словах говорилось о необходимости развивать сектор реального производства и, как обычно, не были указаны механизмы достижения этой цели.

К широкомасштабной технологической модернизации в Российской Федерации вообще ещё не приступали. Между тем модернизационная теория учит, что для получения положительных результатов от рыночных реформ, недостаточно сменить собственника. Необходимо изменить стиль управления, приспособив его к жестким условиям рынка, обновить технику и технологию, сделать очевидной зависимость между прибылью фирмы и заработной платой работников, создать новую трудовую мотивацию, побуждающую работников добиваться лучших результатов, усовершенствовать организацию труда. Десяти лет для осуществления подобных перемен оказалось явно недостаточно.

Рост преступности, уменьшение численности населения, увеличение смертности и количества самоубийств, сокращение рождаемости, заметное снижение реальной и ожидаемой продолжительности жизни, ухудшение структуры питания населения - всё это и многое другое называют социальной ценой либеральных реформ. В России она значительно выше, чем в некоторых других посткоммунистических странах.

Политики иногда говорят, что если бы проведение реформ в жизнь было лучше организовано в управленческом плане и если бы в стране существовали политическое согласие, массовая поддержка реформ, то итоги первого постсоветского десятилетия могли быть иными. Подобные оправдательные интонации присутствуют в тексте последнего Послания Б.Н. Ельцина Федеральному собранию (март 1999 г.). Некоторые аналитики полагают, что неэффективность российских реформ обусловлена убожеством, заскорузлостью и стереотипностью мышления как первых руководителей страны и регионов, так и чиновников на различных этажах власти, и этим объясняют, почему реформы в России шли иначе и медленнее, чем в других странах (38).

Наверное, они отчасти правы. Нельзя не признать, что в подобных объяснениях имеется доля правды, поскольку общий сценарий модернизационных реформ, фазы которого были описаны выше, на протяжении всего периода правления Ельцина воплощался в жизнь в условиях острой конфронтации между президентом и парламентом, непоследовательно, не в полном объеме и без должного учета особенностей российской экономики и менталитета народа. Однако нам представляется, что другого результата реформ в нашей стране и не могло быть*. Как говорил В.С. Черномырдин, «хотели, как лучше, а получилось, как всегда».

---

* П. Боон и Б. Федоров также пришли к заключению, что «российский народ и экономика отреагировали на проведение рыночных реформ в точности так, как предсказывала экономическая теория» (39).

О характерных чертах российского посткоммунизма

Мутация номенклатуры. Принципиально важным для понимания политической сущности и особенностей российского посткоммунизма является признание того, что смены политического класса в стране в целом фактически не произошло, несмотря на смену режима, появление новых лиц в правительстве и передачу существенной доли экономической власти в руки лидеров крупного частного бизнеса и криминала, ранее не присутствовавших в высших и региональных коридорах власти. Политическая власть не перешла в руки других политических групп или контр-элиты. В начале 1990-х годов она просто на время и фактически только на высшем уровне была передана одной частью старой элиты другой части той же самой элиты - бывшим «коммунистам-реформаторам», которые своевременно перекрасились в демократов. Декоммунизации в институтах власти, включая силовые структуры, подобной денацификации, проведенной в Германии после краха гитлеризма, в России не было. В стране после антикоммунистического переворота 1991 г. сколь-нибудь масштабной ротации управленческого корпуса, особенно на региональном и местном уровне, не произошло, да и не могло произойти в принципе. Лица, ныне входящие в политическое и административное руководство страны и большинства регионов, рекрутировались преимущественно из рядов старой правящей элиты, а не извне. Они в буквальном смысле слова являются «посткоммунистами».

На наш взгляд, следует согласиться с мнением, что молодые экономисты-реформаторы, действиями которых в самом начале переходного периода было обозначено главное направление и темп экономических реформ, были политически изолированными, не имели прочной поддержки в парламенте и обществе. Они всецело зависели от президента Ельцина, который регулярно тасовал колоду лиц, занимавших решающие посты в правительстве и его администрации (40). Добавим к сказанному, что на всем протяжении рассматриваемого периода почти все члены правительства, ответственные за экономику, воспринимали себя в большей мере публичными политиками, вовлеченными в политическую борьбу с левой оппозицией, нежели государственными чиновниками, нанятыми для решения определенных управленческих задач, и вели себя соответственно*. По признаниям многих бывших высших чиновников, они ощущали себя людьми, пришедшими во власть ненадолго**.

---

* В конечном счете такое поведение привело к резкому снижению личной популярности людей, руководивших реформированием экономики на протяжении второй фазы перехода, свидетельством чему стали итоги парламентских выборов 1993 и 1995 гг., крайне неутешительные для гайдаровского ДВР и черномырдинского НДР. Как политические партии они ассоциировались в глазах избирателей с лидерами правительства, которое проводило курс, ведущий к снижению жизненного уровня большинства населения.

** Несомненно, что в своей деятельности временщики на высших постах в правительстве и администрации президента прежде всего решают не стратегические, а тактические задачи, обеспечивая интересы тех кланов и групп, которые их поддерживали и привели во власть, да и не на последнее место ставят интересы своего кармана. Во все времена практическую политику на местах и в регионах делают чиновники различных рангов, а в большинстве они отнюдь не идеалисты, озабоченные процветанием Родины в обозримом или необозримом будущем. Их более всего заботит нынешнее собственное благополучие.

Главнейшей особенностью начального этапа посткоммунизма в России, по мнению зарубежных наблюдателей, явились огромнейшие масштабы и темпы передела собственности и перераспределения дохода, осуществленного в кратчайшие сроки после слома прежней системы. Данный момент называется одним из ключевых факторов, отличающих переход к капитализму в нашей стране от аналогичных процессов в других странах Восточной Европы и Азии (41). Ни в одной другой стране не происходило ничего подобного, да и не могло произойти, хотя бы в силу колоссальных размеров Российской Федерации, в несколько раз превосходящей своих соседей и по размеру территории, и по экономической мощи, и по численности населения. В рамках кампании по денационализации, на самом первом этапе реформ, была перераспределена собственность на сумму около 600 млрд долл., доходы от экспорта природных ресурсов, оценивавшиеся суммой примерно в 25 млрд долл. в год, и многое другое.

Приватизация была организована таким образом, что миллионы рядовых членов общества, создававших своим трудом богатство России, были попросту одурачены и ограблены. Законодательные акты и правительственные решения, регулировавшие этот процесс, создали небывалые в мировой практике возможности для злоупотреблений со стороны должностных лиц, коррупции чиновничества в центре и на местах. Бывшая государственная и общественная собственность попала в руки крайне незначительной части населения - главным образом, представителей прежней номенклатуры и криминалитета. Опросы ведущих российских бизнесменов показали, что почти две трети их составляют бывшие члены партхозноменклатуры. Таким образом, управленческая элита прошлого, составив ядро нового правящего экономического и политического класса, не только не утратила влияние и власть, но обрела еще большие возможности и силу, поскольку её члены сумели адаптироваться к социально-экономическим и политическим условиям, сложившимся в стране после переворота 1991 г.

И поэтому своеобразие облика российского посткоммунизма в конце XX - начале XXI в., на наш взгляд, во многом определяет тот неоспоримый факт, что реформирование России имеет отчетливо выраженный элитный характер, ибо осуществляется во имя интересов правящей элиты и под её руководством. Несмотря на известные разногласия тактического характера, среди различных элитных сообществ в рядах власть предержащих в центре и регионах нет противников буржуазной капиталистической реставрации как стратегической линии посткоммунистического переустройства страны. Борьба между «кланами» идет за место у штурвала государственного корабля, контроль над финансовыми потоками, экономикой регионов и страны в целом.

Вперед в прошлое? Региональные руководители не скрывают, что они не всегда согласны с решениями, принимаемыми в Москве, и в своей практической политике они руководствуются прежде всего региональными интересами, не выступая открыто против курса, проводимого федеральным центром. Такова, например, позиция президента Башкортостана (42). Кризис управляемости и непростой характер взаимоотношений федерального центра и регионов напрямую связываются с коррупцией в высших эшелонах власти и борьбой за власть, перманентно ведущейся между «враждующими кланами политиков»

и стоящими за ними финансовыми группами»* (45). С таким диагнозом нельзя не согласиться. Однако из признания данного факта едва ли правомерно делать вывод, что Россия превратилась «в неуправляемую страну ...в которой никто не обладает правом решающего голоса» (45).

Далее всех в своих обобщениях идет американский профессор В. Шляпен-тох, полагающий что поскольку российские регионы, как некогда провинции в Западной Европе, стремятся к большей независимости от центра, особенно в том случае, если они экономически сильны, то и отношения между федеральным центром и регионами, президентом и региональными лидерами в постсоветской России во многом подобны отношениям, существовавшим между королем и вассалами в средневековой Европе. По мнению этого американского ученого, эмигранта из СССР, «современная Россия представляет специфическое общество (в политическом смысле), для которого лучшей параллелью (хотя и ограниченной, как и в случае с любым историческим сравнением) является ранний западноевропейский феодализм, в том виде, в каком он существовал между IX и XII столетиями» (46), несмотря на то, что по уровню экономического развития раннефеодальные общества и современная Россия несравнимы. Он настаивает на том, что именно в феодальной Европе можно усмотреть множество параллелей с политической жизнью в современной России, хотя существуют очевидные различия в экономическом базисе посткоммунистических и феодальных обществ**. Для обоснования правомерности использованной исторической аналогии приводятся многочисленные примеры того, насколько глубоко криминализированы и поражены коррупцией российские государственные структуры, включая окружение президента и членов парламента.

Особо подчеркивается, что деловые люди в современной России, пытаясь обезопасить себя, членов своей семьи и свой бизнес, как и в «темные века», вынуждены идти на различные меры, вплоть до создания частных охранных структур и сотрудничества с криминалитетом, поскольку государственные правоохранительные органы неспособны обеспечить правопорядок в стране. «Крыша» - вот, по мнению Шляпен-тоха, термин, указывающий на совершенно новый фено-

---

* Любопытное признание вырвалось однажды у председателя Совета Федерации Е. Строева: «Посмотрите на руководителей, которые сменились за последние годы. Все они ушли богатыми людьми, хорошо набив карманы за счет государства. И никого из них не посадили» (43). Джеффри Д. Сакс, гарвардский экономист, работавший в России, писал, что, «хотя практически все посткоммунистические государства пережили скандалы, связанные с коррупцией (в значительной степени из-за слабости и неорганизованности гражданского общества), российская коррупция является уникально глубокой» (44). Заметим, справедливости ради, что коррупция в рядах госаппарата - это извечный и всемирный, а не сугубо российский или посткоммунистический (по происхождению) феномен, и что рост коррупции в переходный период был отмечен во всех бывших социалистических странах, а не только в России. Тема коррупции заняла важное место в президентском послании 1996 г. Похоже, однако, что тогда обращение к ней было вызвано политически конъюнктурными, предвыборными соображениями, ибо с тех пор положение заметно не улучшилось.

** Заметим, что Шляпен-тох уже на первой странице статьи делает примечательную оговорку о том, что «элементы сходства с ранним феодализмом могут быть обнаружены в каждом современном обществе, в котором государство, вследствие межэтнических или племенных конфликтов или коррупции, неспособно укрепить закон и порядок» и что «сходство между российским обществом и западноевропейским феодализмом возникло в результате антикоммунистической революции 1991 г.». (47).

мен, важнейшую черту посткоммунизма в России. При этом в качестве примеров «крыши», понимаемой в самом широком смысле, рассматриваются и бандитская защита бизнесменов от других рэкетиров, и небескорыстная протекция предоставляемая им государственными правоохранительными структурами, и покровительство, открыто выказываемое президентом Ельциным в отношении своего ближайшего окружения (или «Семьи», как его называли в прессе в конце 1990-х), и создание частных охранных структур и специальной службы для охраны президента, и даже политика западных стран, предоставляющих приют членам семей «новых русских» и укрытие для вывезенных из России капиталов.

Появление феномена «крыши» Шляпентох связывает не только со слабостью государственной машины и «приватизацией политической жизни в стране»*. По Шляпентоху основные конституирующие общество силы в посткоммунистической России - бюрократия и организованная преступность (что нельзя сказать о средневековой Европе). Предпринимательская деятельность в России, по мнению американского профессора, невозможна без поддержки одной из них или обеих сразу. И поэтому социальную структуру современного российского общества он описывает как состоящую из шести групп: 1) некоррупцированные бюрократы; 2) коррупцированные бюрократы; 3) лица, невовлеченные в незаконную деятельность; 4) лица, в нее вовлеченные; 5) члены криминальных группировок; 6) люди, вовлеченные в неорганизованную криминальную деятельность**. Союз коррупцированных бюрократов, коррупцированных бизнесменов и криминальных организаций, представляет потенциальную угрозу обществу, поскольку, по Шляпентоху, в будущем он может «приобрести реальный контроль над российской экономикой и политикой, равно как и почти тотально криминализированным менталитетом российского народа» (50).

Не оспаривая последний тезис, заметим, что вышеописанная схема из шести групп как стратификационная конструкция не выдерживает критики - она выглядит как журналистская зарисовка одного из разрезов общественной структуры, применимая для любого общества конца XX в. Любой обществовед знает, что современное общество, российское или любое другое, не может быть описано на основе одного критерия стратификации, тем более такого, как участие или неучастие в управлении и/или преступной деятельности.

Антикоммунистическая революция 1991 г., которая, по мнению американского социолога, способствовала прыжку России в историческом измерении назад - к «новому российскому феодализму», привела, в частности, к тому, что из общества с мощной коллективистской идеологией Россия превратилась в общество, в котором общественные интересы устранены из умов почти каждого - от граждан до должностных лиц высшего ранга. Если в течение столетий убежденность

---

* *Приватизация в России, по мнению американского исследователя, имела куда более далеко идущие последствия, нежели предполагали её организаторы: «в частные руки была передана не только большая часть российской экономики, но и произошла чрезмерная приватизация социальной и политической жизни нации» (48).*

** *Развернутого обоснования этой схемы Шляпентох не приводит, замечая лишь, что все эти группы являются органичными и нормальными для любого общества, будь то российское или американское, и поэтому неправильно рассматривать некоторые из них как «девиантные» или «временные», как это делают некоторые эксперты по России переходного периода. Однако, по его представлениям, в современной России криминал играет чрезвычайно большая роль (49).*

в приоритетности общественных интересов над частными была отличительной чертой русского народа, а в 1980-х годах россияне, по мнению Шляпентоха, были самой патриотичной нацией в мире, то после крушения советской власти ситуация радикальнейшим образом изменилась. В результате реформ россияне «превратились в народ, который почти совершенно безразличен к любой социальной ценности, любому общественному вопросу», они «не желают приносить даже малейшей жертвы общественному благу» и «безразличны даже к судьбе страны и её целостности»; последний тезис обосновывается на примере отношения общественного мнения к политике федерального правительства в период первой чеченской войны 1994-1996 гг. (51).

Переход в подобное состояние представляется американскому социологу вполне логичным по следующим причинам. Большинство российских граждан ныне предоставлены собственной судьбе. Исчезло прежнее, существовавшее при советской власти, чувство социальной защищенности и уверенности в поддержке государства. При этом, как и при советской власти, россияне не могут рассчитывать на то, что рядового индивида защитит какая-либо из ассоциаций гражданского общества - церковь, профсоюз или политическая партия, с которой он мог бы отождествлять свои интересы. В настоящее время таких организаций как прочных референтных групп не существует. В то же время новый психологический климат отнюдь не благоприятствует формированию такого типа плюралистического сознания, который стимулирует независимую гражданскую инициативу, отличную от криминальной. Напротив, он способствует отчуждению граждан от власти, снижению уровня политического доверия до предельно низких отметок, росту числа людей, негативно относящихся к правящему режиму, тоскующих по прежним временам и «сильной руке», способной навести порядок в стране. И поэтому Шляпентох даже не пытается ответить на вопрос, сколько лет потребуется на то, чтобы в этой стране сложилось демократическое общество западного типа. Он предполагает, что в обозримом будущем в России может установиться авторитарный режим. «В условиях экономической стагнации, - говорит в заключение своей статьи американский профессор, - остается лишь надеяться, что период диктатуры, если его не удастся избежать, будет коротким и что Россия затем вновь вернется на дорогу строительства общества с сбалансированными общественно-государственными (public) и частными интересами» (52). Отсутствие в российском обществе должного баланса частных и общественных интересов, подобного существующему в современных западных демократиях, может, по мысли американского ученого, иметь самые нежелательные последствия как для будущего этой страны, так и стабильности в мире.

В основание предложенной американским ученым концепции «нового российского феодализма» (если воспринимать её всерьез) положен отказ от признания корреляции между экономическим базисом конкретного общества (достигнутым уровнем технико-экономического развития страны, характером отношений собственности и распределения благ и т. д.), состоянием общественного сознания и широким комплексом существующих в нем общественных отношений, включая как собственно социальные, так и политические отношения - систему взаимоотношений между обществом, гражданином и государством, отношения между ветвями власти и т. д. На наш взгляд, это принципиальная методологическая ошибка, поскольку такая корреляция существует. За ней стоят законы исторического развития, связь времен. Ибо, если согласиться, что нынешнее российское обще-

ство в определенном смысле является аналогом обществ, существовавших в странах Западной Европы в эпоху раннего феодализма, то следует признать, что страна, обладающая космическими технологиями, отстала от своих западноевропейских соседей на тысячу лет, по крайней мере в том, что касается собственно общественных отношений.

Американский ученый прав, утверждая, что в наши дни, как и тысячу лет назад, обладание собственностью и властью столь тесно взаимосвязаны, что зачастую невозможно отделить одно от другого. Как и в средневековой Европе, сегодня личные связи, отношения взаимного доверия и в Америке, и в России зачастую имеют большее значение, чем отношения, основанные на формальных ролях и месте, занимаемом индивидами в политических, социальных и экономических структурах. Не удивительно поэтому, что современные политики и бюрократы всех уровней стремятся воспользоваться служебным положением, дабы получить контроль над собственностью, стать богатыми, насладиться властью, пусть даже в ограниченных масштабах - на уровне села, города или региона. Отличительной чертой России действительно является то, что здесь законы не уважались и не уважаются. Нельзя недооценивать опасность, связанную с развитием регионального сепаратизма, проникновением криминала в политику и экономику, противоречивостью политики западных стран. Кто возьмется с этим спорить?! Однако можно ли основе подобных доводов делать вывод, что, избавившись от коммунизма, Россия пошла не вперед, а назад? Являются ли приведенные выше аргументы достаточным основанием для вывода о прыжке назад, как по отношению к советскому социалистическому прошлому, так и постмодерному Западу?

Нам представляется, что нет. Мы не можем согласиться с утверждением о том, что россияне как народ за десятилетие либеральных реформ почти переродились в совокупность индифферентных индивидов, равнодушных ко всему, кроме собственного выживания. Отличительными чертами русских всегда считались способность к состраданию, жертвенность во имя общего блага, патриотизм и умение преодолевать трудности. Так обстоит дело и сегодня. Утратив эти качества, русские перестанут быть русскими. Да, многие граждане России разочарованы в реформах и недовольны жизнью и властью, но этот эмпирический факт не может служить основанием для вывода об изменении важнейших черт национального характера россиян*.

К концепции «нового российского феодализма», на наш взгляд, нельзя относиться как к серьезной социологической теории. По-видимому, через экстравагантную аллегорическую американский ученый пытался прежде всего выразить свое негативно-критическое отношение к социальной системе, возникшей в нашей стране после крушения коммунистического режима.

Заметим в этой связи, что попытки, вырвав из исторического контекста тот или иной аспект современной ситуации, предсказать направление будущей эво-

---

* За последние годы действительно исчезло ощущение социальной защищенности и уверенности в завтрашнем дне, уровень политического доверия в целом по стране очень низок. Однако, Россия по социально-психологическим характеристикам населения во многом отличается от других кризисных обществ. Так, общенациональный уровень межличностного доверия в России по-прежнему высок и близок к значениям, зафиксированным в наиболее продвинутых западных обществах (53).

люции посткоммунистических государств, проводя аналогии с историей других стран или обществ, обосновать те или иные решения или объяснить наблюдаемые тенденции, предпринимались неоднократно. Например, параллели между постсоветской Россией и США XIX в. проводили тогда, когда хотели подчеркнуть, что не только в нынешней России, но и ранее за океаном для возможно более быстрого сколачивания наиболее известных и крупных капиталов широко использовались незаконные, с современной точки зрения, методы. Обосновывая необходимость усиления президентской власти, Россию начала 1990-х сравнивали с Францией 1950-х годов, т. е. тем бурным периодом в новейшей французской истории, когда происходил распад французской колониальной империи, институты власти лихорадило, экономика была слабой, а компартия сильной. При необходимости оправдания большого влияния олигархий и международных финансовых институтов в выработке и проведении жесткого экономического курса проводились параллели с развитием ряда латиноамериканских государств во второй половине века, например, с Колумбией 1960-1970-х годов или Чили 1980-1990-х.

Наиболее часто встречаемой аналогией является сравнение с Веймарской республикой и её печальной судьбой, т. е. с развитием внутривластной ситуации в Германии в конце 1920 - начале 1930-х годов. Это прогноз-предостережение о возможности краха хрупкой российской парламентской демократии и переходе к авторитарной форме правления (диктатуре) со всеми вытекающими последствиями. В его основу положено, во-первых, предположение, что представители крупного капитала в случае неблагоприятного, с их точки зрения, развития политической ситуации в России могут, как когда-то в Германии, сделать ставку на «сильного лидера, готового править железной рукой»*. Во-вторых, что разочаровавшиеся в демократии народные массы, мелкие предприниматели, армия и спецслужбы поддержат лидера, способного, по их мнению, установить в стране «закон и порядок». Утверждается, что в России во второй половине 1990-х годов сложилось столь же опасное сочетание признаков, как и в Германии накануне прихода партии национал-социалистов и Гитлера к власти (возможность коммунистического реванша при этом всерьез не рассматривается). Вот некоторые из этих признаков:

- затянувшийся экономический кризис и известное разочарование в рецептах, ранее предлагавшихся либеральными экономистами для его преодоления;
- слабость законодательной ветви власти (парламент, раздираемый партийными склоками, на протяжении почти девяти лет находился в состоянии перманентной конфронтации с исполнительной властью);
- слабый президент и напористый пермьер (имеется в виду Ельцин в период своего второго срока правления - больной, немощный старик, от имени которого страной фактически управляла небольшая группа людей, входивших в его ближайшее окружение; интересы этой группы часто входили в противоречие с интересами других кланов, свидетельством чему явилась крайне ожесточенная кампания, развернутая в 1999 г. против Ю.М. Лужкова, мэра Москвы, бывшего премьер-министра Е.М. Примакова и объединения «Отечество», которое выражало интересы московской и части региональной элиты, дис-

---

* Известный предприниматель Б.А. Березовский в ток-шоу «Hard talk» на Би-Би-Си в 1998 г. по этому поводу высказался достаточно определенно: «Еврейские капиталы в этой стране должны быть защищены крепкой русской рукой».

- танцеровавшейся от Кремля в 1997-1999 гг, в связи с «раскруткой» В.В. Путина как преемника Ельцина на посту руководителя государства);
- отсутствие общенационального согласия в отношении курса реформ и ожесточенная политическая борьба между политическими и финансовыми «кланами» за контроль над институтами власти как на федеральном, так и на региональном уровне, умелое манипулирование общественным мнением и использование «грязных технологий» в ходе предвыборных кампаний и фальсификация результатов голосования в некоторых округах (примечательно, что левые - КПРФ и её лидер Г.А. Зюганов - уже не являлись главным объектом атаки прокремлевских СМИ в ходе кампаний по выборам в Думу в декабре 1999 г. и президента страны в марте 2000 г.; «бывали хуже времена, но не было подлей», - так охарактеризовал морально-психологическую атмосферу последних общенациональных кампаний кинорежиссер С. Говорухин, депутат Государственной думы от «Отечества», по-видимому, честный и болеющий за страну человек, но как кандидат в президенты не получивший поддержки даже своей фракции);
  - неопределенность положения на международной арене - утрата статуса сверхдержавы после распада СССР и растущая экономическая зависимость от Запада, ослабление влияния России в «ближнем зарубежье», и т. д.;
  - обнищание основной массы населения;
  - рост безработицы, маргинализация и люмпенизация значительной части работоспособного населения;
  - небывало высокий уровень преступности - органами внутренних дел регистрируется около трех миллионов преступлений ежегодно, при том что в стране более миллиона человек находятся за решеткой;
  - глубокий идеологический и ценностный кризис, выразившийся, в частности, в разочаровании значительной части граждан и в коммунизме, и в демократии;
  - низкий уровень доверия демократическим институтам власти со стороны населения;
  - политическая пассивность большинства (незначительное число граждан, реально участвующих в деятельности политических организаций и массовых протестных акциях, организованных партиями и профсоюзами);
  - война в Чечне - продолжительный внутренний вооруженный этнополитический конфликт, поставивший под угрозу целостность федеративного государства; методы его разрешения критикуются как в стране, так и за рубежом;
  - недовольство офицерского корпуса положением дел в вооруженных силах и ностальгия по былой державной мощи и имперскому величию. (Среди причин укажем на сокращение расходов на оборону, нищенское жалование офицеров, падение престижа офицерской профессии. В ходе первой чеченской кампании федеральные войска не имели сколь-нибудь серьезной поддержки демократических СМИ, парламента и общественного мнения. Мирное соглашение 1996 г. было негативно воспринято в офицерской среде, посчитавшей армию униженной и преданной политиками, пошедшими на мир с сепаратистами. Недовольство продвижением НАТО на Восток и акцией НАТО против Югославии - решениями, принятыми на Западе, несмотря на возражения России, и т. д.);
  - стремление военно-промышленного комплекса получить новые дорогостоящие государственные заказы под предлогом перевооружения и нового витка

гонки вооружений, начинающегося в мире, и тем самым восстановить прежнее доминирующее положение в экономике и влияние на власть.

Осенью 1999 г. верховная власть в стране практически была передана В.В. Путину, до этого некоторое время возглавлявшему ФСБ. И тотчас началась очередная попытка умирения мятежных чеченцев (так называемая «антитеррористическая операция»). Генералы воспряли духом, пытаясь взять реванш за унижения предыдущей кампании, тем более что в отличие от предыдущей войны отечественные СМИ не выступают против них. Были предприняты энергичные усилия по формированию новой карманной партии, безоговорочно поддерживающей хозяина Кремля. Параллельно началась активнейшая кампания по промыванию мозгов и формированию привлекательного образа нового спасителя отечества. В последний день 1999 г. Б.Н. Ельцин назвал В.В. Путина своим преемником. Итог известен - в марте 2000 г. новым российским президентом стал человек из спецслужб, имени которого ещё за полгода до выборов не знали 99,99 % избирателей.

Прогнозы-предостережения делаются для того, чтобы общество не позволило им сбыться. Будем оптимистами, потому что в противном случае российский посткоммунизм в обозримом будущем будет выглядеть крайне непривлекательно.

Будущее всегда неопределенно, до конца неясно, таит в себе угрозу. О возможной траектории развития можно судить, экстраполируя тенденции недавнего прошлого и проводя аналогии с другими странами и эпохами. Об аналогиях мы подробно говорили выше, поэтому далее рассмотрим, как рядовые граждане воспринимают своё настоящее и прошлое, каким видят будущее и как относятся к политическому курсу, проводимому российским руководством в последнее десятилетие.

Восприятие трансформационных рисков. Риск и неопределенность — с этими словами связываются любые перемены в окружающем нас мире. На наш взгляд, современные посткоммунистические общества являются такими же «обществами риска», как и их западные соседи*. Перед ними, вообще говоря, стоят сходные проблемы. В табл. 2 показано, какие из проблем в последнее десятилетие рассматривались российским населением как наиболее важные для страны. Для сравнения в табл. 3 приведены аналогичные данные опросов жителей Европейского союза. Отличие в том, что с некоторыми явлениями, характерными для демократических стран с рыночной экономикой, например, такими, как инфляция, безработица, час-

---

* *В последней четверти XX в. в социологический лексикон вошли понятия «общество риска» и «культура риска» как свидетельство того, что общественные науки пытаются осмыслить, каким образом современное западное общество справляется с многочисленными угрозами и опасностями, порожденными, в первую очередь, технологическими новшествами и социальными кризисами, войнами и стихийными бедствиями, т. е. с изменениями в среде обитания человека (окружающей среде - в широком смысле) (54, 55, 56). В начале-середине 1990-х годов немецкие социологи живо обсуждали вопрос о том, применимы ли классические понятия западной социологии, включая и концепцию «общество риска», в посткоммунистических странах (57). Дело в том, что хотя социальные изменения происходят одновременно и параллельно и в западном мире, и в бывших социалистических странах, по глубине, объему, темпам и последствиям они несопоставимы. Будут ли действовать традиционные объяснительные модели, разработанные для западных обществ, в условиях посткоммунизма? Мы полагаем, что на это вопрос следует ответить утвердительно.*

Таблица 2

Россияне о наиболее важных проблемах страны в 1991-2000 гг. По данным опросов общественного мнения ВЦИОМа), %

Проблема	Август 1991 ^б)	Февраль 1992	Июль 1993	Июль 1994	Май 1995	Май 1996	Июль 1997	Январь 1998	Январь 1999	Январь 2000
Рост цен	69	62	82	81	77	68	47	52	87	82
Нехватка товаров продуктов питания, товаров	56	20	24	11	11	7	7	4	13	8
Рост количества уголовных преступлений	28	37	65	67	59	59	54	52	43	44
Рост безработицы	-	22	31	56	50	55	54	60	60	49
Обострение национальных отношений	14	22	19	16	21	27	15	15	9	16
Кризис морали, культуры, нравственности	16	22	29	29	27	29	26	27	20	23
Слабость, беспомощность государственной власти	20	21	31	30	27	26	40	36	34	24
Кризис в экономике, спад производства в промышленности и сельском хозяйстве	-	-	43	51	48	55	47	45	58	44
Ухудшение состояния окружающей среды	19	15	32	29	26	26	26	26	13	20
Угроза военной диктатуры	5	6	3	3	3	4	3	-		-
Конфликты в руководстве страной	-	-	19	11	10	10	15	15	9	10
Вооруженные конфликты на границе России ^в)	—	—	16	15	30	32	12	21	3	44

Резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов	-	-	7	37	32	37	45	50	36	36
Угроза фашизма и экстремизма	-	-	-	7	6	-	3	3	4	3
Коррупция, взяточничество	-	-	21	24	25	-	38	35	25	31
Уход от идеалов социальной справедливости	-	-	8	9	-	-	-	-	-	-
Задержки с выплатой зарплаты, пенсий, пособий и т. п.	-	-	-	-	-	-	63	65	56	28

Примечания:

а) Вопрос в разные годы звучал примерно так: «Какие из проблем, существующие на сегодняшний день в российском обществе, тревожат Вас больше всего и какие из них Вы считаете самыми острыми?». Респондент мог дать несколько ответов. Затруднившиеся с ответом и неответившие в таблице не показаны.

б) В графе представлены результаты опроса населения СССР.

в) В 1997 г. этот пункт был сформулирован так - «нестабильное положение в Чечне», в 1998 г. - «нестабильное, кризисное положение дел в Чечне и прилегающих районах».

Источники: Московские новости. 1991. 22 сент. С. 5; Независимая газета. 1992. 7 марта. С. 2; Экономические и социальные перемены. 1993. август. № 4. С. 60-61; 1994. сентябрь-октябрь. № 5. С. 58; 1995. июль-август. № 4. С. 57; 1996. июль-август. № 4. С. 58-59; 1997. сентябрь-октябрь. № 5. С. 47-48; 1998. март-апрель. № 2. С. 66; 2000. март-апрель. № 2. С. 56. Объем выборки: февраль 1992 г.: N = 1,635; март 1993 г.: N = 3,990; июль 1993 г.: N = 3,974; июль 1994 г.: N = 2,957; май 1995 г.: N = 2,550; май 1996 г.: N = 2405; июль 1997 г.: N = 2322; январь 1998 г.: N = 2410; январь 1999 г.: N = 2406; январь 2000 г.: N = 2407.

В таблице не представлены результаты опросов 1991 и 1992 гг., показывающие озабоченность части населения крахом социалистических идей, распадом СССР, разрывом экономических связей между бывшими советскими республиками.

Таблица 3

Наиболее важные проблемы стран Европы в 1974 (ЕЭС из 9 стран) и 1998 гг. (ЕС из 15 стран), %

Проблема	1974 (ЕЭС 9)	1998 (ЕЭС 15)
Борьба с ростом цен	44	15
Введение единой валюты	7	18
Проведение общей политики в области энергетике	6	2
Защита окружающей среды	6	10
Снижение различий между регионами	6	10
Общая внешняя политика	5	4
Модернизация европейского сельского хозяйства	4	3
Признание равенства сертификатов об образовании, полученных в разных странах	3	3
Защита прав потребителей	3	2
Помощь слаборазвитым странам	2	3
Научные исследования (развитие науки)	1	2
Не знаю	9	5

* По данным опросов «Евробарометра».

Источник: Survey. № 1. Fieldwork. 1974, Apr.-May; Survey. № 50. Fieldwork. 1998. Oct.-Nov.; Standart Eurobarometer 50 Fig. 2.7; «Eurobarometer»: Report. № 50. P. 39.

тая смена правительств и тому подобное, посткоммунистические общества столкнулись сравнительно недавно (58, 59). Они ещё не имеют достаточного опыта борьбы с постоянными угрозами социальной стабильности, не знают, как минимизировать риски, связанные с социально-экономическими трансформациями.

Говоря о будущем, люди редко оценивают вероятность неблагоприятного исхода событий числом, как это делают технические эксперты, определяя степень риска для персонала при отказе того или иного агрегата. Они выражают свои представления о будущем в весьма общей форме и достаточно расплывчатых выражениях, сравнивая с недавним прошлым. Мы полагаем тем не менее, что данные о социальных ожиданиях (экспектациях) могут быть интерпретированы как косвенные агрегированные оценки трансформационного риска (60). Из года в год большая часть наших сограждан с тревогой глядят в будущее, не надеясь на позитивные перемены (табл. 4). Доля неудовлетворенных жизнью и пессимистов в отношении будущего среди россиян намного больше, чем среди западноевропейцев (табл. 5, см. также (61)).

В президентском послании 1999 г. отмечалось, что, «убедив население в быстроте и легкости проведения реформ, власти сформировали в сознании людей избыточные ожидания, за которыми последовали разочарование и "синдром поражения"». На наш взгляд, это объяснение не отражает реальной картины отношения общества к реформам и не вскрывает подлинной причины массового распространения фрустрационных настроений, связанной с негативными социальными последствиями реформирования.

На протяжении всего последнего десятилетия в обществе нет единства в отношении того, следует ли продолжать либеральные экономические реформы (рис. 3). Данное обстоятельство, безусловно, следует считать отличительной особенностью первого посткоммунистического десятилетия. Россияне

Таблица 4

Мнения россиян о возможности улучшения их жизни
(«В течение ближайшего года наша жизнь наладится или улучшения не
произойдет?», в %), 1995-2000 гг.

Ответ	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Более или менее наладится	17,6	17,0	15,8	15,8	12,1	23,6
Улучшения не произойдет	60,7	60,6	61,1	62,9	66,7	48,9
Затруднились ответить	21,1	22,4	23,1	21,4	21,2	27,5

Источник: Данные ВЦИОМ // Мониторинг общественного мнения. 1996. № 1 (январь-февраль). С. 60; 1998. № 1 (январь-февраль). С. 62; 1999. №1 (январь-февраль). С. 61; 2000. № 2 (март-апрель). С. 55.

Таблица 5

Оценки уходящего года и экспектации в отношении нового года в России и
Европейском союзе (цифры в скобках) в 1996-1998 гг., %

	1996		1997		1998	
	Оценки уходящего года (1996)	Ожидания в отношении нового года (1997)	Оценки уходящего года (1997)	Ожидания в отношении нового года (1998)	Оценки уходящего года (1998)	Ожидания в отношении нового года (1999)
Жизнь в целом						
Положительная	23	38(31)	25	42 (34)	16	24(33)
Отрицательная	74	49(16)	73	48(12)	82	66(10)
Положение в стране						
Положительная	9	14(17)	4	6(23)	2	6(22)
Отрицательная	85	74(42)	91	71(32)	94	83(31)

Источник: Данные опросов «Евробарометра» («Eurobarometer»: Report. № 50. 1999. March. P. 3-4); РНИСНП (Независимая газета. 1999. 25 февраль. С. 8)

весьма высоко оценивают свободу слова и прессы, вероисповедания, передвижения и возможность занятия независимым частным бизнесом, реальный политический плюрализм - свободную конкуренцию политических партий и свободу выбора из нескольких кандидатов на выборах. Но при этом большинство населения России полагают, что подлинная демократия должна обеспечивать соблюдение не только естественных политических прав, но и прав социальных и гарантировать достойный уровень жизни, обеспеченность работой, медицинской помощью, жильем и доступом к образованию. Хотя политическая система изменилась, россияне, как и большая часть граждан других посткоммунистических государств, уверены, что социальные права и гарантии, которые они обрели при прежнем режиме и к которым привыкли, должны рассматриваться как базисные права человека, безусловно охраняемые обществом и государством.

Заметим, что в официальных документах, определяющих стратегию и тактику реформирования, нигде достаточно ясно не прописано, какой тип социального государства предполагается создать в России в долгосрочной перспективе. На основе анализа косвенных признаков, содержащихся, в частности, в Послании Пре-

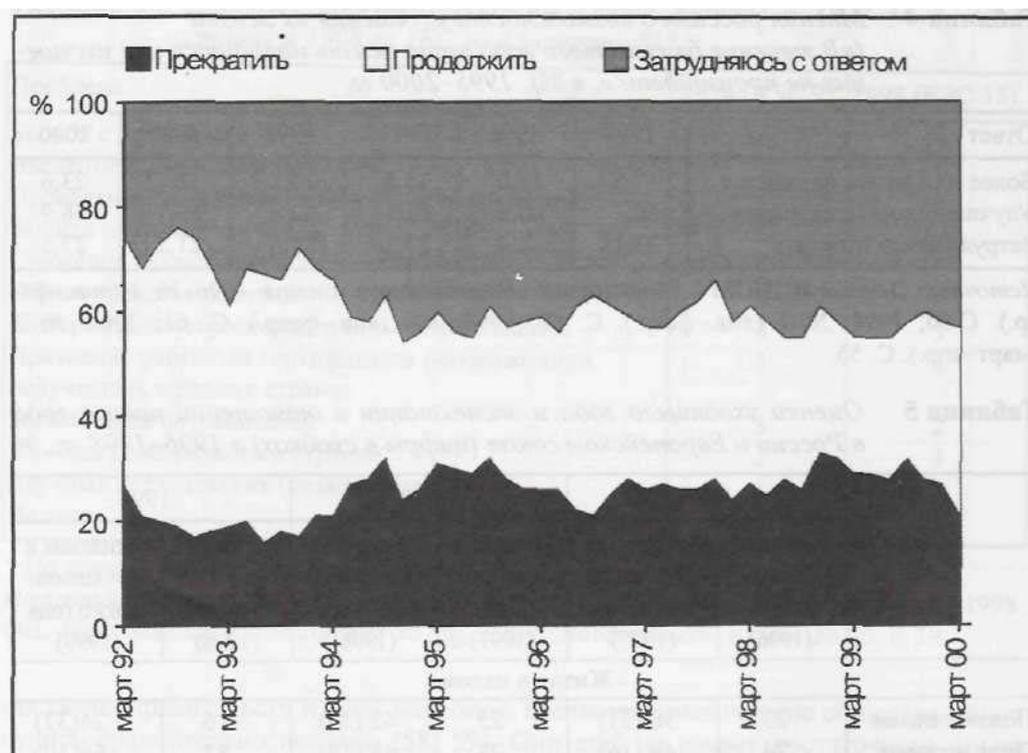

Рисунок 1. Отношение населения к экономическим реформам в России в 1992-2000 гг. (по данным ВЦИОМа), в %

зидента РФ Федеральному собранию в 1994 г., можно сделать заключение, что в то время президентская администрация склонялась к мнению, что это будет «правовое государство социальной безопасности»*. Каких-либо развернутых обоснований такого выбора в других ельцинских посланиях мы не встречали; в социальном блоке посланий речь шла обычно о сугубо конкретных вещах, так сказать «задачах текущего момента».

Опросы, проведенные в начале и середине 1990-х годов, показали, что многие россияне шокированы крайней несправедливостью нового строя, психологически неподготовлены к тому ливню угроз самому их существованию, который обрушился на них после того, как государство убрало свой защитный зонтик. Получив демократию политическую, трудящиеся утратили и социальную защищенность, и демократию производственную (и в этом отношении Россия отличается от западных государств всеобщего благосостояния). Большинство недовольно

* Имеется в виду разновидность модели «welfare state», предполагающая обеспечение государством гарантированного прожиточного минимума для так называемых незащищенных слоев общества (бедные, престарелые, инвалиды, дети и т. п.). О данном аспекте Послания 1994 г. см. подробнее в (62). На деле же, как справедливо подчеркивал болгарский социолог Н. Генев, российское руководство «заботило не столько, какую конкретную модель следует избирать примером для подражания... сколько ускоренный уход от советского типа системы жизнеустройства, от реального социализма» (63).

тем, «как работает демократия», неудовлетворено положением дел в стране в целом. В сегодняшней России огромная часть граждан считают своих правителей глубоко своекорыстными и неуважающими закон людьми. У них нет уверенности в том, что страной управляют честные и достойные уважения люди, проводящие политику, направленную на благо народа.

Речь идет не просто об общественных настроениях, обусловленных незавидными результатами реформ. Отмеченный выше «элитный характер политики модернизации» является, по-видимому, одной из латентных причин не только «синдрома разочарования» и негативного отношения к власти предрезающим, но и специфического отношения к политике - широкого распространения среди россиян чувства глубокой убежденности в том, что рядовые граждане не могут влиять на проводимую властями политику. Отмеченные моменты во многом определяют облик современной политической культуры российского общества*.

Основным способом выражения своего отношения к проводимой властями политике граждане России считают голосование на общенациональных выборах. Они не участники политического процесса, а всего лишь зрители в политическом театре, наблюдающие за действием, разворачивающимся на сцене. У зрителей - свои заботы, своя жизнь, у актеров, режиссеров и драматургов этого театра - своя, у них свои интересы и интриги, и их, вообще говоря, не очень заботит, что о разыгрываемом представлении думают зрители: деньги (налоги) за билеты платят, на представления (выборы) - ходят, и ладно.

Вместо заключения

Перемены, начатые еще в период горбачевской «перестройки социализма» и продолженные в годы правления Б.Н. Ельцина, затронули фундаментальные основы общества, экономики и государства. Создан институт частной собственности, почти полностью денационализирована промышленность, приватизированы сферы торговли, бытового обслуживания, либерализована экономика (ценообразование, внешняя торговля и др.). В результате аграрной реформы возникает частная собственность на землю. Формируется и укрепляется рынок капиталов (банки, фондовые и валютные биржи и т. п.). Произошли кардинальные перемены в ком-

---

* В политико-культурном измерении постсоветская Россия разительно отличается как от зрелых демократических обществ, так и от советской России. Увязать изменения в общественных настроениях и менталитет нации с фазами посткоммунистического перехода достаточно трудно, однако, на наш взгляд, в теоретическом плане можно с уверенностью говорить о наличии корреляции между фазой перехода, точнее промежуточными итогами преобразований, успешностью продвижения по экономическому и политическому направлениям реформ, и характеристиками общественного сознания, имея в виду, в первую очередь, масштаб распространения и укоренения либеральных и демократических ценностей в сознании различных социальных групп и возрастных когорт, общественное мнение о политике правительства. Политическая культура посткоммунистического общества - это ценностно фрагментированная и идеологически расколотая культура, в структуре которой доминируют пассивные типы массовой политической культуры и явно выражены различия в ценностях, политических ориентациях и характеристиках политического поведения (включая протестное и электоральное поведение) между возрастными когортами и социальными группами. Различаются и параметры политической культуры массы населения и политической культуры элиты.

позиции социальной структуры и отношениях между её элементами. Сменились политический режим и строй, приняты новые законы. Однако до подлинной демократии ещё далеко.

Мы не разделяем мнение о невозможности объяснить происходящее в посткоммунистических государствах, включая Россию, и прогнозировать их будущее на основе знаний, накопленных социальными науками*. Напротив, мы полагаем, что современная общесоциологическая теория социетальных перемен (концепция модернизации) полезна и применима не только для ретроспективного анализа и объяснения социальных перемен и социальных трендов, но и была использована при разработке сценария реформ и практических рекомендаций экспертами международных организаций и другими специалистами, ответственными за стратегию и тактику реформирования экономики и общества во многих странах мира**.

Девять лет - в историческом отношении сравнительно небольшой срок, однако вполне достаточный, чтобы проявились характерные черты и стала ясной сущность посткоммунизма по-русски. На пороге XXI в. по важнейшим социально-экономическим и политическим параметрам наша страна стала походить скорее на развивающиеся государства, нежели на страны Западной Европы, США или Канаду. Посткоммунизм пришел к нам надолго. Ельцинский этап завершен, начался путинский.

---

* Такое суждение высказано, в частности, А.Г. Здравомысловым. По его мнению «современные преобразования с большим трудом вписываются в какие-либо объективные законы» и «необходимо поэтому понять не столько объективные критерии вписывания российского общества в современный многогранный и сложный мир, сколько тот образ модернизации, который сложился в представлениях верхних эшелонов политического руководства». Здравомыслов полагает, что понять объективные закономерности социальных процессов (в том числе и модернизации) нельзя, ибо любые попытки построения картины мира, которую можно применить в политике, ведут к идеологизации социального знания, от чего нужно как можно быстрее освободиться. Ему более близок «событийный подход, когда изменения рассматриваются как результат и средство совершающихся событий, цепь которых никогда не замыкается. Каждое новое событие и включение в них каждого нового участника открывают возможности, которые невозможно предусмотреть заранее. Мы имеем дело с тем, что называется неоконченной историей» (64).

** В модернизационной концепции предложена убедительная интерпретация взаимосвязи разнообразных аспектов социального и культурного развития современных обществ. Разумеется, к положениям этой концепции не следует относиться как к религиозным или идеологическим догмам. Как и всякая подлинно научная теория, она нуждается в постоянном обновлении и ревизии в свете новых фактов. Теории социальных перемен разрабатывались на протяжении всей истории общественных наук и, наверное, будут создаваться в будущем. Обзор существующих концепций социальных изменений - вне рамок данной работы. Заметим лишь, что едва ли не каждому из авторов, пишущих на данную тему, свойственна телеономическая и эпистемологическая предвзятость, вытекающие из характера его воззрений на общество и мир и уровня знаний истории человеческой цивилизации, представлений о добре и зле, желаемом будущем и путях его достижения, ибо никто из ученых, политиков и писателей, не свободны от ценностей, мифов и заблуждений, типичных для его среды и эпохи. История XX в. убедительно показала, что социально-философские теории и идеологические доктрины, претендовавшие на объяснение социальной динамики и прогнозирование путей развития человеческой цивилизации, были амбициозно наивными и внутренне противоречивыми. Следует учитывать и то, что модернизация посткоммунистических стран протекает в условиях глобализации экономик и культур, что отличает её от модернизационных процессов, ранее происходивших в других странах (65).

Примечания

1. Рукавишников В.О. Посткоммунистическая модернизация России // Соединяя капитализм, социализм и демократию: Практическая политика в России и США / Под ред. В. Рукавишниковой и С. Нагеля. М., 1999. С. 127-206.
2. Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения. М., 1998.
3. Там же.
4. Holmes L. Post-Communism. An Introduction. L., 1997.
5. Mandelbaum M. (ed.). Postcommunism: Four Perspectives. N.Y., Council of Foreign Relations. 1996.
6. Barany Z, Volgyes I. (eds.). The Legacies of Communism in Eastern Europe. Baltimore, 1995.
7. Stadler A. Problems of dependent mobilization in East-Central Europe: A case for social democratic concern // Social democracy in postcommunist Europe / M. Waller et al. (eds.). L., P. 45-46.
8. Sakwa R. Postcommunism. Buckingham, Philadelphia, 1999. P. 1.
9. Гуторов В. Гражданское общество: историческая традиция и современная Россия // Профессионалы за сотрудничество. М., 1999. С. 42.
10. Mitrovic L. Savremeno Društvo - Strategije Razvoja I Akteri - (prolozi sociologiji razvoja). Beograd, 1996.
11. World Bank Developing Report 1996: From Plan to Market, Washington. / The World Bank, 1997.
12. Программа углубления экономических реформ правительства Российской Федерации // Вопр. экономики. 1992. № 8. С. 11.
13. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию «Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики)» // Российская газета. 1994. 25 февр.
14. Послание Президента России Федеральному собранию «Россия на рубеже эпох (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)», 30 марта 1999 г. // Российская газета. 1999. 31 марта. С. 3.
15. World Bank Developing Report 1996... P. 3.
16. Программа углубления экономических реформ правительства Российской Федерации...
17. Там же. С. 12-13.
18. Там же.
19. Boone P., Fedorov B. The Ups and Downs of Russian Economic Reforms // Economies in Transition: Comparing Asia and Eastern Europe / Wing Thye Woo, Stephen Parker and Jeffrey D. Sachs (eds.). Cambridge, Mass., L., 1997. P. 188.
20. Gilbert A. Third world: poverty, employment and gender roles during the time of restructuring // Social Development. Challenges and Strategies. UNESCO chair - UFRJ/EICOS, Rio de Janeiro, 1995. P. 13-58.
21. Послание Президента России Федеральному собранию «Россия, за которую мы в ответе», 23 февраля 1996 г. // Российская газета. 1996. 27 февр.
22. Послание Президента России Федеральному Собранию «Россия на рубеже эпох...»
23. Там же.

24. Яковлев И.Г. Политический и инвестиционный климат в России и ее регионах // Соединяя капитализм, социализм и демократию: Практическая политика в России и США / Под ред. В. Рукавишникова и С. Нагеля. М., 1999. С. 255-280.
25. Программа Совета Министров-Правительства РФ на 1993-1995 гг. «Развитие реформ и стабилизация Российской экономики» (ноябрь 1993 г.) // Собр. актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 46. С. 44-98.
26. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию «Об укреплении Российского государства...»
27. Послание Президента России Федеральному собранию «О действенности государственной власти в России, 16 февраля 1995 г. // Российская газета. 1995. 17 февр.
28. Послание Президента России Федеральному собранию «Россия, за которую мы в ответе...»
29. Послание Президента России Федеральному собранию «Порядок во власти - порядок в стране», 6 марта 1997 г. // Российская газета. 1997. 7 марта.
30. Послание Президента России Федеральному собранию «Общими силами - к подъему России», 17 февраля 1998 г. // Российская газета. 1998. 24 февр.
31. CIA World Factbook. 1998.
32. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию «Об укреплении Российского государства»...
33. Послание Президента России Федеральному собранию «О действенности государственной власти в России...»
34. Послание Президента России Федеральному собранию «Россия на рубеже эпох»...
35. Независимая газета. 1999. 31 марта. С.1, 3.
36. Финансовые известия. 1997. 16 дек.
37. Социально-политический журнал. 1997. № 5. С. 4, 15.
38. Williams C. Economic reforms and political change in Russia, 1991-96. // Williams C. et al. (eds.). Russian Society in Transition. Aldershot, 1996. P. 9-36.
39. Boone P., Fedorov B. The Ups and Downs of Russian Economic Reforms / Wing T. W., Parker S., Sachs J.D. (eds.) // Economies in Transition: Comparing Asia and Eastern Europe. Cambridge, Mass., L., 1997, P. 187.
40. Ibid P. 189.
41. Parker S., Tritt G., Wing Thye Woo . Some lessons learned from the comparison of transitions in Asia and Eastern Europe // Ibid. P. 8.
42. Соединяя капитализм, социализм и демократию. Практическая политика в России и США / Под ред. В. Рукавишникова, С. Нагеля. М., 1999.
43. Аргументы и факты. 1997. № 3. С. 3.
44. International Herald Tribune. 1995. 6 December. P. 8.
45. Ibid. 4 December.
46. Shlapentokh V. Early Feudalism - The Best Parallel for Contemporary Russia'. Europe-Asia Studies. Formerly Soviet Studies. 1996. Vol. 48. No. 3. P. 393.
47. Ibid P. 393.
48. Ibid P. 396.
49. Ibid. P. 401.
50. Ibid P. 401.
51. Ibid P. 397-398.
52. Ibid. P. 408.
53. Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения. М, 1998. Гл. 4.

54. Beck U. Risk Society. L., 1992.
55. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford, 1994.
56. Lupton D. Risk. L., 1999.
57. Beyme K. von. Theorie der Politik im Zeitalter der Transformation / K. v. Beyme, C. Offe(eds.) // Politische Theorien in der Ara der Transformation. Opladen. 1995. P. 9-29.
58. Genov N. Central and Eastern Europe: Challenges of Continuing Transformation / Genov N. (ed.) // Centra! and Eastern Europe Continuing Transformation, UNESCO - MOST. Paris, Friedrich Ebert Stiftung, Bonn - Sofia, 1998. P. 9-36.
59. Rukavishnikov V. Is Russia Really Becoming a Third World Country? Unemployment risks during a time of post-Soviet restructuring. // Genov N. (ed.). Unemployment Risks and Reactions. UNESCO - MOST, Paris, Freidrich Ebert Stiftung, Bonn - Sofia, 1999, P. 118-146 .
60. Rukavishnikov V. Transformatinal risks and societal concerns / Cottam M. P. et al. (eds.) //Foresight and Precaution (Proceedings of ESREL 2000 Conference. Edinburgh, 15-17 May 2000). Rotterdam, 2000. Vol. 2. P. 1135-1142.
61. Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения...
62. Скомарцева И.В. Реформы в России: от прошлого к настоящему. Школа гуманитарных наук. 1995. № 2. С. 65-69.
63. Genov N. The Transition to Democracy in Eastern Europe: Trends and Paradoxes of Social Rationalization//International Social Science Journal. 1991.№ 128. P. 131-141.
64. Здравомыслов А.Г. «Модернизация России с точки зрения социологии конфликта» // Вестник РАН. 1994. Т. 4. № 4. С. 291.
65. Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения...